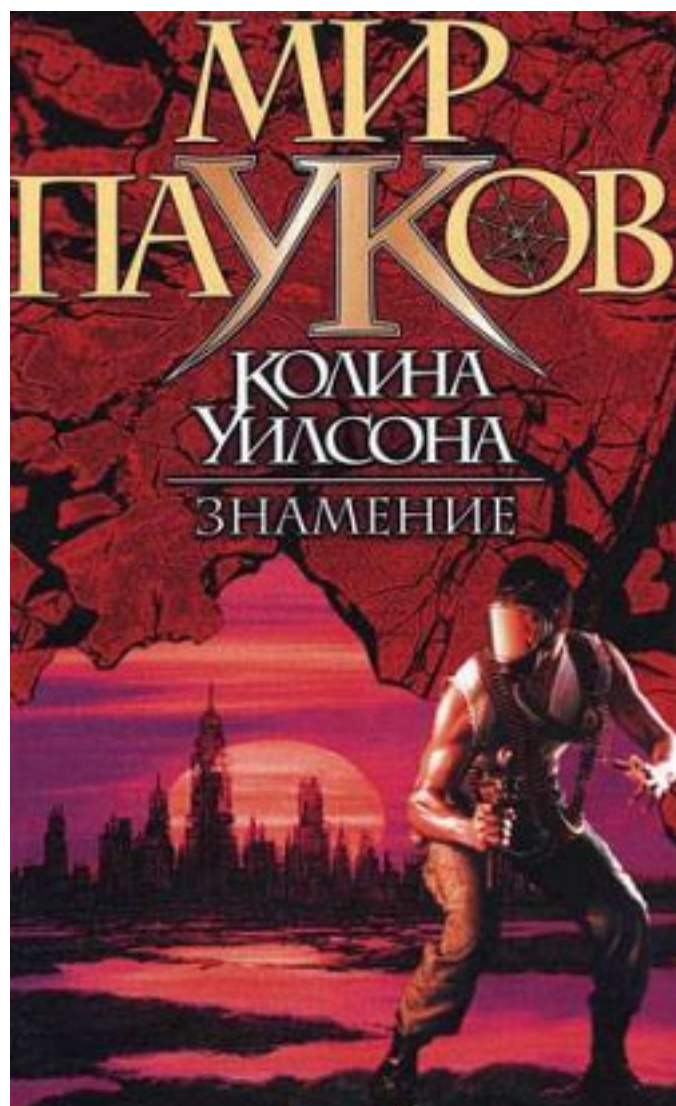

Нэт Прикли Знамение

Серия «Мир Пауков Колина Уилсона», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158108
Знамение: АСТ, Северо-Запад Пресс; Москва; 2000
ISBN 5-17-002219-0, 5-93698-008-1*

Аннотация

Один из самых известных фантастических сериалов, начало которому положили произведения знаменитого британского писателя и мыслителя Колина Уилсона, получил свое продолжение в работах отечественных авторов. Мир, где Земля полностью преобразена после космической катастрофы. Мир, где пауки обрели волю, разум и власть. Мир, где обращенный в раба человек должен вступить в смертельную борьбу, чтобы вернуть себе свободу. Мир пауков становится нашим миром.

Содержание

Часть 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Прикли Нэт Знамение

Часть 1 Горы

Больше всего это напоминало груды из неотесанных камней, наваленную поперек горной расселины метров на пять в высоту и густо поросшую травой, мелким кустарником и серебристо-синим мхом. Найл вспомнил битвы далекого прошлого, когда толпы людей бросались на идеально гладкие, отвесные, многометровые стены с лестницами наперевес, напористо карабкались вверх, навстречу стрелам, камням, кипящей смоле – и понял, что здешнее препятствие не задержит настоящую армию даже на минуту.

– Ты, что, сражался в битвах древности? – уважительно изумился сопровождающий их смертоносец.

Найл только усмехнулся в ответ. Знание, вкаченное ему в голову Белой башней, уже не раз подшучивало таким образом над Посланником Богини – события из толщи веков он помнил куда четче и подробнее, нежели собственное недавнее детство.

На мгновение в сознании всплыло видение пещеры в пустыне, отдыхающей на каменном ложе матери, копы с кремневым наконечником у входа, и мохнатой гусеницы, добытой отцом на ужин. Самому трудно поверить, что он, посланец Великой Богини Дельты, всего пару лет назад был обычным маленьким дикарем, жил в тесной норе, почитал плоды опунции за величайшее лакомство и регулярно прятался вместе с родными от воздушных шаров восьмипалых повелителей мира. Смертоносца из Провинции, привыкшего смотреть на людей, как на послушную говорящую еду, последнее воспоминание привело буквально в шоковое состояние.

– Ты прятался от пауков? – дерзнул переспросить проводник, не поверив мыслям правителя.

Найл снова усмехнулся и кивнул в сторону каменного вала:

– Неужели вы надеялись остановить Мага таким препятствием?

– Ближе к пустыне стена намного выше и ровнее, – признал паук. А здесь никто никогда не появлялся, поэтому особо не старались.

– Тогда зачем вообще строили?

– Много лет назад здесь была дорога. Когда Кизиб Великий строил стену, ее на всякий случай тоже перекрыли.

«Значит, советник Борк решил сразу вывести нас на торный путь», – понял Найл.

– Да, – подтвердил смертоносец, но на этот раз его мысленный импульс содержал сразу несколько дополнительных оттенков. В переводе на человеческий язык это звучало бы как: «Я сделал все, о чем меня просили», «Мы пришли», «Желаю вам удачи» и сожаление о расставании одновременно.

– Прощай, – ответил Посланник пауку, именем которого так и не поинтересовался, и оглянулся на своих соратников.

Большинство отряда составляли дети. Впрочем, и паучата, и человечки ростом не отличались от взрослых сородичей, но душой все равно оставались детьми – столь же любопытными, непоседливыми. Им было все равно куда идти – лишь бы не сидеть на месте, лишь бы набираться новых впечатлений и участвовать в приключениях. Пожалуй, они даже не пони-

мали, что рискуют жизнью – ведь с момента выхода из джунглей Дельты никто из путников не погиб. Смерть еще не успела показать подросткам свой жестокий оскал.

Сразу за правителем, рядом с верной Нефтис, стоял Дравиг. Умудренный опытом старик, хитиновый панцирь которого уже начал выцветать от времени, шел за Посланником потому, что верил в обещание вернуть паукам город Смертоносца-Повелителя, возродить былую мощь державы, освободить замурованную под землей память предков. Остальные смертоносцы доверились скорее Дравигу, бывшему начальнику охраны властителя мира, нежели Найлу. Вот разве только Шабр мало интересовался могуществом Смертоносца-Повелителя. Ученый паук просто не желал расставаться с плодами своих селекционных стараний и увязался не за восьмилапыми путниками, а за двуногими.

Из людей одна лишь принцесса Мерлю преследовала свой интерес – в стремлении к величию она предпочитала рискнуть жизнью в опасном походе, лишь бы не прозябать в безвестности. Все остальные двуногие вверились уже именно ему, Посланнику Богини, его интуиции и стремлению вернуть жизнь на круги своя. Юккула и Рион, Завитра и Нефтис, Сидония и Симеон. Теперь он уже почти всех может назвать по именам, теперь принцессе не удастся упрекнуть его в высокомерии, но гордиться тут нечем – их осталось слишком мало, чуть больше сотни. Кучка людей и пауков – жалкий слепок с некогда величайшей цивилизации планеты.

– Ну что? – поторопил тощий Симеон, которого не удалось откормить даже при всем гостеприимстве Провинции. Мы идем?

– Идем, – кивнул Найл и начал вскарабкиваться на пологий каменный вал.

По ту сторону «стен» никаких следов дороги тоже не обнаружилось. Так, несколько чахлах кустиков акации да ровный слой травы. Да еще гусеница-листорезка, которую при виде путников внезапно пробило судорогой – она выгнулась дугой, несколько раз перевернулась через спину и «издохла». Даже крошечный огонек сознания перестал дрожать под черным глянцевым лбом. Ну что ж, против брезгливых тарантулов и любящих свежее мясо скорпионов – очень действенный способ обороны. Листорезке повезло – все путники были сыты, никто на гусеницу отвлекаться не стал, и ее оставили благополучно толстеть в гордом одиночестве.

Расселина, по которой шли изгнанники, постепенно становилась все уже и уже, голубоватые каменные откосы стиснули травяной ковер до тонкой полоски, и в конце концов растительность сдалась, отступила, обнажив из-под корней ровную ленту из серого камня, покрытую морщинками мелких трещин.

В спину дул свежий ветер, несущий солоноватый запах моря, дышали теплом успешные вдоволь изведать солнечных лучей склоны – идти казалось легко и приятно. Потом стены расселины внезапно раздвинулись в стороны, словно испугались преградившего путь ущелья с еле слышно журчащей в глубине речушкой, а дорога резко повернула вправо, на скальный карниз, и стала упорно забираться в высоту.

Местами древний тракт был полностью засыпан камнями, местами – совершенно чист, но серьезных препятствий не возникало, и вскоре после полудня дорога вывела изгнанников к бурой бетонной коробке с высокой приступкой, уткнулась в нее, расширившись до округлой площадки метров пятьдесят в диаметре и оборвалась.

– Вот и пришли, – нервно хмыкнул нагнавший правителя Симеон.

– Пришли, – признал Найл и негромко подумал вслух: – Интересно, а Борк знал, чем кончается этот проход?

Никто не ответил.

– Привал! – разрешил правитель, и задумчиво подергал себя за мочку уха.

Позади шумно располагались на отдых ничуть не уставшие после короткого перехода путники – распаковывали заплечные мешки, доставали припасенные продукты, рассажива-

лись на теплых от солнца камнях. Послышался смех. Правитель оглянулся: несколько шумливых подростков пытались оттащить с дороги широко расставившего ноги смертоносца, но пока безуспешно.

Детишки балуются.

Найл вздохнул и неторопливо обошел бетонную коробку кругом.

На жильё не похоже: единственный проем, смахивающий на дверь, слишком низок и узок – не на четвереньках же туда забирались? Окон нет совсем. Разве только два квадратных отверстия со стороны приступки. Сама приступка сильно напоминала платформу – вроде тех, что были в метро, – но только очень короткую.

А может, это и вправду платформа?

Найл опустил взгляд под ноги: нет, не похоже. Правитель прекрасно понимал, что за тысячу лет на открытом воздухе ни от рельсов, ни от шпал ничего не останется, но все же хоть какие-то следы должны сохраниться! А здесь – девственная скальная порода. Да и куда ехать? В пропасть? Приступка обращена именно к близкому обрыву.

Посланник стал внимательно рассматривать противоположную сторону ущелья, словно надеясь найти там ответ на неожиданную загадку далеких предков: относительно пологий, серый с голубоватым оттенком склон, уходящий все выше и выше, под далекий ледник, тут и там по нему разбросаны обычные угловатые скалы. Вот разве только на самой границе снежного покрова выделяется бурое пятно.

Найл прикрыл ладонью глаза от ярких лучей, взгляделся в сверкающую на солнце чуть зеленоватую горную шапку, и вдруг звонко хлопнул себя ладонью по лбу:

– Ну конечно! Как я сразу не догадался?

– Вы не желаете поесть, мой господин? – подошла Нефтис и протянула ему два крупных зеленых яблока.

Советник Борк сдержал обещание и не дал путникам в дорогу ни единого цыпленка, но соратники Найла были уже достаточно опытными путешественниками, и сами озаботились запастись у кого чем получилось.

Правитель благодарно кивнул, взял выделенный начальницей стражи «паек», впился зубами в одно из крепких, с толстой кожурой яблок, и продолжал задумчиво вглядываться в вершину, пока не ощутил, как второй плод бесцеремонно вынимают из его руки.

– Ну что, Найл? – поинтересовался Симеон, хрустко откусив чуть ли не треть чужого обеда. Путешествие закончилось?

– Почему ты так решил?

– Так сам видишь, – медик развел сухонькими ручонками. Тупик.

– А посмотри во-он туда, – Найл указал на нижний срез ледяной шапки. Что это там?

– Вроде, дом. Видно плохо.

– Там верхняя станция. А здесь – нижняя. Понял?

– Нет.

– Здесь была канатная дорога, – и Найл по слогам произнес слово, почти тысячу лет не звучавшее на здешнем полустанке: – Фуникулер.

– Канатная дорога? – Симеон даже про яблоко забыл. Ты хочешь сказать, что между этими зданиями была натянута веревка, по которой ползали люди? Да тут не меньше половины дневного перехода!

– Ну, – пожал плечами Найл, – не совсем веревка, а стальной трос толщиной с гусеницу, и не совсем ползали, а ездили в специальной коляске.

– Но зачем? – не сдержала удивления Нефтис.

Правитель промолчал: он еще не забыл, как пытался разъяснить начальнице стражи, зачем нужно метро.

– Один пустяк, Посланник, – напомнил Симеон и опять смачно хрустнул яблоком. Между нами и верхним домом имеется пропасть. Я заглянул – глубокая.

– Глубокая, – кивнул Найл, и больше для себя, нежели для медика задал вопрос: – Интересно, когда Борк приказывал вывести нас на эту дорогу, он знал, чем она кончается, или нет?

– Конечно знал! – ни минуты не колебался медик. Как можно не знать ближайших окрестностей?

– Тогда почему послал именно сюда? Мы что, так ему надоели, что он был рад избавиться от нас хоть на денек? Или снизошел до нашего стремления к свободе и отпустил на один день проветриться?

Симеон пожал плечами.

– Шабр! – мысленно позвал Найл. – Ты знаешь советника намного лучше нас. Почему он так поступил?

Формулировать вопрос точнее правитель не стал – он был уверен, что ученый паук подслушивает.

– Не знаю, Посланник, – вежливо откликнулся смертоносец. – Но советник Борк очень увлечен достижением полной гармонии в жизни Провинции. Наверно, он просто не поверил, что вы всерьез хотите уйти, и решил поставить эксперимент.

– И для этого послал в тупик?

– Разумеется, – в интонациях Шабра прозвучала нотка восхищения находчивостью своего коллеги. Вам неминуемо придется вернуться, и он сможет произвести коррекцию вашего поведения. Борк стремится выработать в двуногих не просто покорность, а искреннее стремление соблюдать законы и пожелания смертоносцев. Приручение непокорного племени должно показаться ему очень интересной научной задачей.

– Я, кажется, знаю, зачем он заманил нас сюда, – встрял в разговор суровый Дравиг. – Вместе с тобой, Посланник, ушли все смертоносцы, вносившие колебание в единое сознание Провинции. Он просто убрал нас в горы, а теперь они решают, как поступать с нами дальше.

– Здесь слишком близко, – возразил Шабр. – Мы находимся в полноценном контакте.

– Во дворце Смертоносца-Повелителя объединялись сознания всех тех, кто находился в зале, а часовые за стенами ничего не замечали! – напомнил Дравиг. – Нужно просто отделиться от «лишних» достаточным расстоянием. При необходимости Повелителем востребовались смертоносцы дворца, если нужно – пауки города, а при крайней нужде – все, кто находился в наших владениях. Мы сейчас достаточно далеко, чтобы не ощутить призыва на «малое сознание». Можно принимать решение, не беспокоясь о том, что мы узнаем про него раньше времени.

От слов старого воина повеяло угрозой.

– Но зачем? – удивился Найл. – Ведь мы все равно хотели уйти. Да нет – мы ушли!

– Ты не совсем обычен, Посланник, – с некоторой грустью признал бывший начальник стражи восьмилапого властелина. Ты странен и непонятен. Смертоносец-Повелитель очень долго размышлял, когда узнал о твоём существовании, и ему куда больше хотелось убить тебя, нежели поставить себе на службу.

В памяти Найла всплыл пахнущий мускусом полумрак дворца, ощущение невидимого, но могучего существа, скрытого пологими паутины, его гнетущего взгляда и – свое инстинктивное стремление казаться маленьким, слабым и покорным, затаиться, отстраниться от любых крамольных мыслей, оставить их где-нибудь вне сознания, вне тела.

Смертоносец-Повелитель тогда нещадно избил своего пленника – без всяких лап и хелицер, просто волей, – едва не переломав ребра и вдоволь пошвыряв из стороны в сторону.

– Да, – признал Дравиг, тоже вспомнивший их первую встречу. Ты показался нам маленьким слабеньким дикарем с зачатками истинного разума, разума смертоносца. Доста-

точно безопасным, но все же способным стать промежуточным звеном между двуногими и нами, родоначальником породы слуг, умеющих разговаривать по-нашему. Согласись, когда повелители вынуждены учить язык рабов – в этом есть что-то унижительное?

Найл кивнул – только теперь ему стало понятно, почему, проснувшись в бараке слуг, к вечеру он оказался в роскошных покоях правителя. Прекрасная принцесса Мерлью должна была соблазнить его, уложить в свою постель, приручить, сделать довольным и послушным.

Правитель нашел девушку взглядом. Она сидела среди прочих путников в обычной серой тунике и ела грушу. Только не кусала, как все, а отрезала ножом по маленькому ломтику, отправляла в рот, тщательно прожевывала и отрезала следующий. Неторопливо, с достоинством. Прохладный ветерок, струящийся вдоль ущелья, слегка шевелил пряди волос, в ушах сверкали рубиновые серьги и точно так же – алым – вторила им заколка на затылке.

– Принцесса, может, зря он тогда сбежал?

– Скорее, зря Повелитель тебя не убил сразу, – не согласился Дравиг, возвращая Найла к разговору. Уже вечером тебя невозможно было ни поймать, ни уничтожить.

Несмотря на кровавый смысл последнего высказывания, в мыслях Дравига не имелось ни малейшего оттенка ненависти и злобы. Так, констатация давней ошибки. Как человек, вспомнивший, что когда-то в детстве он так и не решился подобрать потерянный кем-то пояс, вздыхает о давнем промахе.

Чего теперь жалеть? Сегодня Дравиг был первым помощником и преданным воином, готовым без малейших колебаний отдать за Посланника свою жизнь.

– Ты полагаешь, – переспросил Найл, – при возвращении нас может ожидать засада?

– Нет. Ведь ты – Посланник Богини.

– Тогда что?

– Не знаю, Посланник, – почтительно извинился смертоносец и добавил, словно в оправдание: – Нас прогнали именно для того, чтобы мы не знали.

– Ну что, Найл? – потребовал ответа бесцельно переминавшийся с ноги на ногу Симеон. Мимолетный обмен мыслями между правителем и пауками проскочил мимо его сознания.

– Дравиг подозревает, что в Провинции для нас готовят неприятный сюрприз.

– Нам что, – сразу посерьезнел медик, – придется воевать еще и с ними?

– Как ты представляешь себе войну отряда в сотню путников, половина из которых еще дети, с двух-трехтысячной армией пауков? – скривил губы Найл.

– Тогда что? Сдаться? Или сдохнуть среди этих голых скал?

– Подожди.

Найл успокаивающе похлопал его по плечу, потом подошел к принцессе, уже закончившей свою трапезу, и сел рядом.

– Как ты себя чувствуешь, Мерлью?

– Спасибо, хорошо, Посланник.

Девушка немного помедлила, прежде чем назвать его официальным титулом, но сделала ли она это потому, что колебалась, как обратиться, или Мерлью намеренно хотела подчеркнуть холодность отношений – угадать было невозможно. А прощупывать ее мысли Найл, следуя давнему обещанию, не стал.

– Как ты думаешь, принцесса, – кивнул правитель на обветшавшую станцию, – почему нас сюда занесло?

– Ты привел, – не смогла сдержать злорадной усмешки принцесса.

Похоже, после тех двух ночей, что правитель провел с надсмотрщицей солеварни, любой промах Найла доставлял Мерлью удовольствие. Даже в том случае, если риску, вместе со всеми, подвергалась и ее жизнь.

– Дравиг подозревает, будто нас специально вывели из Провинции, чтобы принять какое-то решение.

– Я так чувствую, – пожала плечами Мерлью, – что решение принято давно.

– И какое?

Принцесса повернула к нему голову с таким изумлением, словно правитель сморозил очевидную глупость, хмыкнула, однако сочла возможным ответить:

– Плохое.

Естественно! Будь решение советника Борка хорошим, они бы не ежились тут на голых скалах без еды и воды.

– И все-таки, – вернулся к своим сомнениям Найл. – Борк распрощался со мной чрезвычайно дружески, Борк дал нам проводника, Борк предупредил о возможности встречи с Магом по эту сторону стены. Зачем нужно заводить нас в тупик?

– Мы были гостями, – пожала плечами девушка. Пауки способны на жестокость, бесчувственность, злобу, но они всегда безусловно честны. Они приняли нас, как гостей, и пока мы оставались таковыми, то пребывали в полной безопасности вне зависимости от желаний любезного Борка. Теперь мы уже не гости.

Вот оно что! Найл поморщился и помотал головой. Пришельцы покинули границы Провинции! Законы гостеприимства на них больше не распространяются. Теперь, если путники захотят вернуться, советник Борк имеет полное право отказать им в праве войти на территорию Провинции или, что скорее, захочет выдвинуть какие-то требования. Хитрый казуистический ход, позволяющий сохранить видимость честного исполнения обязательств по отношению к гостям, и одновременно не позволить им уйти победителями. Выпустить в тупик. Только изощренный на хитрости ум принцессы смог сразу найти на загадку точный ответ. К сожалению, Борку коварства тоже оказалось не занимать. Или это называется мудростью правителя?

– Что же делать?

– А вот это ты думай, – злорадно посоветовала принцесса. Ты ведь Посланник, а не я.

Правитель встал и подошел к краю каменной площадки. По ту сторону пропасти два чахлах кустика вяло шевелили ветвями на ветру, белесый мох редкими бледными пятнами покрывал ближние к обрыву камни. Вот только дороги никакой не было. Однако, слова принцессы Мерлью пробудили в Найле дух противоречия. Советник Борк хочет укротить излишне энергичных пришельцев? Ну уж нет!

– Хочешь, я с ним поговорю? – предложил Шабр.

– Не нужно! – вслух отрезал правитель. Мы не для того преодолели пустыню, победили Дельту и прошли все побережье, чтобы теперь сдаться на милость какого-то провинциального советника!

Слова Посланника слышали все, и Найл сразу ощутил, как напряглась общая энергетическая аура небольшого отряда. Все путники поддерживали своего правителя и готовы были защищать право поступать согласно заветам Великой Богини Дельты и Смертоносца-Повелителя – двух верховных существ этого мира, воплощенных сейчас в образе шестнадцатилетнего худощавого паренька.

Краешком сознания Найл с интересом отметил, что видит себя со стороны, глазами своих спутников.

– Ты все-таки решил сразиться с советником? – осторожно спросил Симеон.

– Нет, – покачал головой Найл. – Это будет глупостью. Советник Борк ждет, что мы или сдадимся, или попытаемся прорваться через Провинцию силой.

– Ну да, – признал медик. А что нам остается делать?

– Если хочешь победить врага, – негромко процитировал Найл древнейшую истину человечества, – то никогда нельзя делать того, что он от тебя ждет!

– А если нет другого выхода?

– Выход есть всегда. Просто некоторые ленятся его хорошенько поискать. Вы с советником Борком слишком часто смотрели на нас как на людей, и совсем забыли, что мы еще и пауки.

– Я тоже человек, – почему-то обиделся Симеон.

– Я знаю, – с улыбкой кивнул Найл и мысленно позвал: – Дравиг! Попроси нескольких смертоносцев натянуть паутину через ущелье.

Смертоносец ничего не ответил, но почти сразу трое пауков подбежали к самой пропасти, дружно ударили брюшками о камни и скрылись за краем обрыва.

– Это займет немного времени, – вежливо отчитался старый паук спустя несколько минут.

– Благодарю тебя, Дравиг, – также корректно ответил правитель, и в коротком соприкосновении сознаний блеснуло общее воспоминание о давних встречах в городе с их церемониальными приветствиями и тщательным соблюдением всех букв Договора.

– Мир вокруг становится все более несправедливым, – посетовал смертоносец. – Пока Смертоносец-Повелитель был силен, Провинция гордилась званием нашего вассала, Великая Богиня пеклась о нашем благе, жуки стремились встать в ряды нашей армии, люди боялись одного взгляда паука. А теперь? Почему так происходит, Посланник?

– Спроси у принцессы, – покосился на девушку Найл. – Это она мастер мгновенно опрокидывать отношения, стоит обстоятельствам измениться хоть на мышиный шаг.

– Ты несправедлив, Посланник, ведь она осталась с нами.

– Надеюсь. – Найл не стал продолжать разговор, поскольку лично его больше заинтересовал другой факт из прошлого, всплывший в разговоре. Правитель окликнул Шабра:

– Ответь, ученейший из пауков! Так, значит, вы приволокли меня из пустыни специально для того, чтобы вывести новую породу слуг?

– Да, Посланник.

– И как успехи?

– Из тридцати здоровых детей, родившихся в Дельте, двадцать четыре носят желательные признаки.

– Сколько?!

Ошарашенный ответом Найл лихорадочно принялся перебирать в уме своих знакомых девушек: Нефтис, Джарита, и еще одна служанка, имени которой он не помнит – это понятно, это еще в городе было.

Потом Завитра, потом могучая Сидония, отблагодарившая его за свое спасение, потом стражница на тропе, которую он вознаграждал за бдительность. Нет, таких было несколько. Потом еще какая-то служанка.

– Неужели двадцать четыре?

– Ты сомневаешься в моих способностях контролировать ход эксперимента, Посланник?

Хотя паук и не обиделся – скорее, Шабра позабавила реакция правителя, – но тем не менее Найл счел нужным прислать импульс извинения:

– Ничуть не сомневаюсь. Просто я хотел узнать, неужели ты и сейчас, после ухода Смертоносца-Повелителя продолжаешь исполнять его давнишнее задание?

– Но ведь теперь некому отменить приказ! – с чисто паучьей принципиальностью парировал Шабр.

– И что дальше?

– Дальше будет легче, – с готовностью объяснил восьмипалый ученый. Из Провинции ушли только два беспородных самца, поэтому в следующем выводке неполноценных детей

наверняка не окажется. Крайне желательно спарить тебя, Посланник, с одной из носительниц породы для вычленения чистых признаков.

За последние месяцы Шабр перестал смотреть на двуногих, как на обширный и дешевый материал для опытов, но тем не менее, едва заговорив о науке, он быстро забывался и начисто терял даже те зачатки такта, которыми обладал – так что обижаться на восьмилетнего ученого было бесполезно. Найл лишь улыбнулся и покачал головой:

– Ты что, хочешь скрестить меня: Тьфу, совсем голову заморочил! Ты хочешь уложить меня «спать» с одной из моих дочек?

– Это называется «обратная вязка», – с готовностью пояснил ему паук. Наложение породных признаков родителя на проявившиеся признаки потомства. Позволяет отсечь постороннюю примесь.

– Ни за что, – коротко отрезал правитель.

– Посмотрим. – с такой многозначительностью пообещал смертоносец, что Найл засомневался в своей уверенности. В конце концов, Шабр являлся великолепным селекционером.

Тем временем все трое смертоносцев появились на противоположной стороне ущелья, натянули свои паутины, закрепили, а потом, продолжая выпускать чистую белую нить, вернулись назад по средней нитке. Получилось не очень понятное сооружение: толстый канат посередине и два тонких по краям.

– Положить сверху доски, – посоветовал Симеон, – и получится хороший мост.

– Где мы тут дерево найдем? – хмуро спросил правитель.

– Но ведь ты сам просил такой мост, – забеспокоился Дравиг, ощущая недовольство Посланника, и вернул мысленную картинку, «подсмотренную» в сознании правителя: река, над ней переправа из трех натянутых веревок, смуглый человек идет по средней веревке, придерживаясь руками за две других.

– Ну да, – вынужденно признал Найл, – обычный канатный мост. Вот только веревки должны находиться на разных уровнях, а у вас получились на одном.

Дравиг не ответил. Он не знал, каким образом закрепить боковые паутины на уровне плеч так, чтобы они сохраняли свое положение на всем протяжении «моста». По ущелью гулял сильный ветер, под его ударами ослепительно-белые полосы подпрыгивали, металась из стороны в сторону, то натягиваясь, то провисая. Как только между собой не слиплись? Однако другой дороги не было.

– Ну что, Симеон? Мы, вроде, и так на месте засиделись. Пошли?

– По этому? Ты с ума сошел! Нужно сделать хоть какой-нибудь настил.

Найл только вздохнул в ответ. Как и всякий правитель, он мог доказать проходимость выбранной дороги одним-единственным способом – собственным примером. Найл плотнее затянул пояс, проверил, насколько надежно держится в ножнах нож, решительно подошел к краю обрыва и взялся за среднюю паутину.

Ладони сразу прилипли. Правитель подумал о том, что свежую, чуть влажную нить не мешало бы присыпать песком, пылью или хотя бы вымазать грязью, но ни того, ни другого, ни третьего на каменистом склоне ущелья не имелось. Найл с усилием оторвал ладонь, перехватился поудобнее, подпрыгнул, закинул на паутину ноги, повиснув снизу, как капля росы на стебельке. Потом, по очереди отодрав и перекинув немного вперед руки, с усилием подтянул к себе нижние конечности. Лодыжки обожгло короткой болью, но правитель был к этому готов и только поморщился. Снова немного продвинул руки и опять подтянул ноги. И так – шаг за шагом. Боль в лодыжках постепенно ослабла – то ли привык, то ли все волосы уже повывергивались. Ветер досаждал не столь сильно, сколь ожидалось – провисшая под тяжестью человека паутина металась не так рьяно, как «пустая». Сильнее всего выматывала необходимость каждый раз с огромным усилием отдирать ладони.

Налетел порыв ветра, слегка качнул правителя и весело поиграл с боковыми паутинками. Найл невольно вцепился крепче в хлипкую переправу и покосился вниз. Низа не было. Была зажата между двумя отвесными стенами бесконечность с тоненькой нитью поблескивающей воды. У Найла резко перехватило дыхание и закружилась голова. Он зажмурился, прижавшись к толстой спасительной нити и, пожалуй, впервые возрадовался тому, что она прилипчива, как учуявшая поживу муха.

– Ты заболел, Посланник? – в словах Шабра ощущалась искренняя обеспокоенность.

– Что, боишься потерять основателя породы? – нашел силы отшутиться Найл.

– Нет, просто ты не успел дать распоряжение о направлении движения.

Чего у Шабра не отнять, так это умения оставлять последнее слово за собой.

Короткий диалог несколько взбодрил правителя и заставил думать о дальнейших действиях – не висеть же над пропастью вечно! Найл приоткрыл глаза, стараясь смотреть только на паутину, заставил себя оторвать правую ладонь, продвинул ее на полшага вперед. Потом левую. Подтянулся.

Прилетел еще порыв, качнул путника, и Найл с ужасом ощутил, как кто-то схватил его сзади за тунику и тянет в сторону.

– Кто здесь? – прошипел он сквозь зубы. Вместо ответа опять загудел ветер, и рывки за тунику усилились. Найл со всей ясностью ощутил, как долго, долго, очень долго придется лететь, прежде чем он врежется в камни на дне ущелья, и ладони правителя внезапно вспотели.

– Найл! – услышал он далекий крик ужаса, а влажные ладони тем временем очень медленно, но неуклонно соскальзывали с толстой, ослепительно белой веревки.

«Наверное, Мерлью кричала. Кто еще мог назвать меня по имени? – почему-то именно эта, совсем не возвышенная мысль первой пришла ему в голову в последние мгновения жизни. Вторая мысль оказалась еще глупее: – Почему у серых, как дорожная пыль, пауков получается такая белая, чистая нить?»

Потом ладони соскользнули.

Правитель ухнул было вниз, но тунику вдруг с громким треском потянуло в сторону – Найла развернуло боком и качнуло вдоль ущелья, – потом ткань поползла со спины на шею, правитель извернулся, как прикинувшаяся дохлятиной листорезка – раз, другой, – поймал тонкую боковую паутину, обхватил ее руками и сжал с такой силой, что почувствовал, как продавливается под пальцами упругий паучий субстрат.

Есть! Он держался!

Найл перевел дух, возвращаясь к жизни, и мысленно позвал пауков:

– Шабр! Дравиг! Кто-нибудь! Вы меня видите?

– Да, Посланник, – откликнулось сразу несколько голосов.

– Что со мной?

Дравиг коротко выстрелил «картинку» – и правитель увидел, как медленно ползет, свисая под средней, толстой паутиной, как порыв ветра подталкивает его в сторону и боковая паутина прилипает к тунике на спине, как ослабевает хватка и руки человека начинают сползать, отрываются. Хотя Найл и знал, что жив до сих пор, но тем не менее ему опять стало жутко.

Впрочем, опасность еще не миновала – он висел, приклеившись ногами к средней веревке, вцепившись руками в боковую нить, а сама нить продолжала цепко удерживать тунику, задрал ее до затылка.

Найл ослабил хватку ног и попытался подтянуть их к себе, но лодыжки прилипли накрепко, и он просто подтянул среднюю паутину ближе. Чтобы освободить ноги, был необходим хороший рывок. Правитель мысленно взмолился к Богине о помощи, потом согнул руки и резко вытянул. Тонкая нить под рывком человеческого тела спружинила, просела

вниз – он ощутил короткую резь в ногах, а потом полетел куда-то вниз, в бездну. Последовал новый рывок, правителя опять перевернуло, тунику содрало через голову, и Найл остался болтаться над пропастью нагишом, в одном только поясе. Хотя нет – еще и в сандалиях.

Паутинка вытянулась на всю возможную длину, а потом легко и весело подпрыгнула вверх. Найл воспользовался возможностью и закинул ноги на тонкую нить. Очень липкую – и сейчас это обстоятельство его порадовало.

После нескольких качков вверх-вниз паутина успокоилась, просев под тяжестью человеческого тела метра на три. Опасности схлестнуться с другими нитями больше не существовало и, хотя ветер продолжал всласть развлекаться с правителем, Найл добрался до противоположного края без особого труда. И тунику дотащил, на чистом упрямстве – взялся зубами, оторвал от паутины, да так и держал все время.

Минут через десять он перебрался на каменистый склон, отполз на несколько шагов и тут же сел наземь, не в силах сладить со слабостью в ногах.

Пожалуй, все увиденное могло отбить охоту переправляться у кого угодно, однако Нефтис, верная долгу стражницы, не могла оставить правителя одного. Она решительно отдала Юккуле копье, подступила к краю обрыва и взялась за нить паутины.

Настала очередь Найла испуганно хвататься за острые края камней, глядя, как женщина колышется на неверной опоре над каменной бездной.

Начальница стражи весила куда больше правителя, а потому порывам ветра не удавалось швырять ее так же легко, как Найла, но один раз у соседней паутины получилось-таки поймать женщину за прядь волос. Нефтис остановилась лишь на мгновение – потом решительно дернула головой и поползла дальше, а густая прядь рыжих волос осталась реять над пропастью, как памятник человеческой отваге.

– Молодчина! – Найл принял ее в свои объятия, крепко поцеловал и посадил рядом, держа за плечи. Молодец. Надеюсь, остальные тоже доберутся.

Однако дальше все стало до обидного легко и безопасно: к «мосту» подошел один из детей, взялся за паутину, тут же ее брезгливо бросил, быстро и неразборчиво поболтал с паучком из детской же компании. Тот подбежал, подхватил мальчишку четырьмя средними лапами, а на четырех оставшихся почти мгновенно перемахнул на другую сторону – и поставил паренька перед глазами Найла и Нефтис.

– Великая Богиня! – схватился за голову Найл. – Как же я сам не догадался?! Это же так просто!

Переправа закончилась через час.

Потом путники шли вверх по склону. Особых препятствий тоже вроде не встречалось – так, отдельные валуны, прочно сидящие в теле горы, да мелкие острые выступы, готовые в кровь разодрать ногу.

Просто двигаться постоянно вверх по крутому уклону было долго и нудно. Поначалу правитель еще всматривался время от времени в высокий, четырехэтажный дом с двускатной черепичной крышей, который медленно увеличивался в размерах, но потом перестал, глядя только себе под ноги.

Они уткнулись в стену почти в тот самый миг, когда солнце утянуло последние лучики за изломанный кряж вдалеке.

«Надо же, стекла в окнах уцелели» – устало удивился Найл. В окнах отражались сияющие на закате облака, его усталое лицо и трое пауков позади. Что скрывается внутри дома, разглядеть не удавалось.

– Дверь здесь, мой господин, – послышался голос Нефтис.

Черный прямоугольник открывал вход в обширное пустое помещение.

«Поместимся», – прикинул Найл и приказал:

– Все внутрь! Остановимся на ночлег здесь. Укладывались уже в полной темноте. Люди негромко переговаривались, деля места, бурчали, сталкиваясь во мраке. Время от времени кто-то из еще не нашедших себе угол наступал на уже улегшегося, и доносился недовольный вскрик, но вскоре все уgomонились.

– Я постелила нам у стены, мой господин, – негромко сообщила отыскавшая правителя Нефтис.

– Хорошо, – кивнул было Найл, но ощутил осторожное прикосновение к спине.

– Я принесла наши циновки и одеяла. – прошептала Завитра.

Найл растерялся. И обидеть никого не хочется, и спастись со всеми сразу он тоже не может.

– Вы пока ложитесь, а мне еще нужно подумать, – выкрутился он.

Девушки отступили.

Правитель честно уселся рядом со входом и, борясь со сном, поднял глаза к черному, как глаз скорпиона, небу. По левую руку купол усеивали искорки звезд, а по правую на полнебосвода царила абсолютная мгла. Странно, туч днем не появлялось, и вот так, в одночасье, наползти они не могли. К тому же, в воздухе не ощущалось обычной для надвигающегося ливня влажности. Может быть, в горах все происходит иначе?

Найл немного подождал, но граница звездного шатра и абсолютного мрака не сдвинулась ни на шаг. Зато правитель обратил внимание, что от моря в направлении нагорной мглы тянутся поблескивающие рукава – звезды как бы охватывали темноту с двух сторон, стремясь сомкнуться у далекого горизонта, очерчивая почти правильный круг тьмы огромного размера.

По ногам ощутимой стружкой потек холод. «Этак мы замерзнем к утру» – подумал Найл, мысленно вызвал Дравига и попросил затянуть вход паутиной. Смертоносец прислал двух молодых пауков, которые быстро отрезали путников от невзгод внешнего мира.

«Пожалуй, на сегодня это все», – решил правитель, отступил вглубь убежища и вытянулся вдоль стены, потеснив какую-то девушку. Ноздрей коснулся легкий аромат можжевельника. Неужели Мерлью? Словно бы во сне, случайно, Найл обнял ее за талию, уткнулся носом в шею и позволил глазам слипнуться до утра.

* * *

– Найл, вставай!

Правитель открыл глаза, увидел склонившуюся над собой принцессу и рывком сел.

– Что случилось?

– Тихо, – шепнула она. Людей разбудишь. Пусть спят. Пойдем.

Девушка отодвинула разрезанный с одной стороны паутиный полог и выскользнула наружу. Правитель поторопился следом. Принцесса Мерлью сторонилась его с того самого дня, точнее – ночи, когда они посетили солеварню, и теперь Найл лихорадочно пытался угадать, что же могло случиться такого, чтобы Мерлью вдруг изменила свое отношение.

А на улице рождалось утро: солнце еще не появилось, но небо уже налилось яркой голубизной, сверкали изумрудными переливами далекие горные вершины, расползались по ущельям и расселинам хлопья тумана. Давно забытый легкий утренний морозец бодрил, как первый глоток росы из чашки уару.

Принцесса почти бегом обогнула дом – Найл с удивлением обнаружил, что с обратной стороны в нем не четыре, а только два этажа – вошла в распахнутую дверь, сбегала вниз по ступенькам короткой лестницы, повернула и толкнула створку еще одной, внутренней двери.

– Смотри!

Мерлью вошла внутрь и отступила, пропуская правителя. Найл шагнул следом и изумленно охнул:

– Не может быть!

Они оказались в прошлом. В далеком, легендарном прошлом – словно и не миновали в окружающем мире сотни лет, словно и не возрождались, и не рушились вновь цивилизации, словно не росли в различных уголках планеты могучие Богини, словно под солнцем так и не сменили животных непобедимые насекомые, а Земля и уцелевшие на ее просторах люди не попали под власть расчетливых и хладнокровных разумных пауков.

Широкая гостиная. Пол от стены до стены застелен толстым паласом, тонкие светлые занавески закрывали окна, стены отделаны были дубовыми панелями. Роскошная пятирожковая люстра под потолком. Еще в зале стояли несколько стульев и три стола – на каждом вазочка, а в вазочке – небольшой букетик полевых цветов. И наконец – два зеркальных шкафа, за стеклянными створками которых сверкали гранями хрустальные рюмки, графины, фужеры. Все было покрыто толстым слоем коричневой пыли, но впечатление от этого не стало слабее.

Чудо – судьба явила пред путниками чудо!

Теперь стало ясно, почему принцесса нарушила обет враждебности – она хотела разделить свой восторг с кем-нибудь еще. Но с кем? Ведь не с детишками же – маленькими дикарями, которых жизнь научила ценить лишь еду, одежду и оружие. И не со слугами пауков, которые ценят то же самое, плюс преданность хозяевам. Только Найл мог понять ее чувства. Причем сам-то он видел похожие комнаты в Белой Башне, а вот Мерлью могла только прочитать о подобном в книгах – и вдруг увидела воочию.

– Как все это могло сохраниться, Найл?

– Очень даже просто, – пожал плечами правитель. Хозяева узнали о приближении Кометы, собрались, уехали в космопорт и улетели на другие звезды.

– И все бросили?

– А зачем им это все? – опять пожал плечами Найл. – Мы тоже ничего отсюда не возьмем. Эти бокалы красивые, но очень хрупкие, надолго их не хватит. Занавески? Так ведь у нас нет окон. Стул ты с собой тоже не понесешь, тяжеловат, а пользы особой нет. Стол – тем более. Все, что здесь сохранилось, нужно только здесь и нигде больше.

Мерлью подошла к столу, взяла букетик, тихонько подула, очищая от пыли.

– Какие красивые. Как настоящие. И она оглянулась на правителя. Ведь почти тысяча лет прошла! А все осталось нетронутым.

– С тех пор здесь никого не было, – Найл приблизился к окну, коснулся тонкого белого кружева. Здесь нет жизни. Ничего не растет, воды нет, холодно. Откуда взяться гостям?

– Но ведь люди здесь жили!

– Они привозили воду, еду и тепло с собой. Боюсь, мы не скоро сможем повторить это.

– Я хочу остаться здесь, – прошептала принцесса. Я хочу сидеть на этих стульях, пить из этих бокалов.

– Пойдем, посмотрим еще, – Найл взял ее за руку и потянул дальше, в отделанный орехом коридор.

Витиевато петляющие древесные волокна сплетали замысловатые светло-коричневые кружева. Правитель провел по ним рукой, и тут же пожалел – от прикосновения тончайшая отделка поползла со стены, как сползает слой грязи с влажного камня. Принцесса за спиной жалобно охнула.

– Извини, я не хотел.

Он толкнул встречную дверь, и они вошли в небольшую комнату с кроватью у стены и столом у окна. Кровать с двумя высокими черными спинками казалась неправдоподобно

большой, она так и пребывала застеленной – зеленое одеяло, белый пододеяльник, высокая подушка.

– Найл, я лягу, ладно? Хоть почувствовать, как это было.

Мерлью шагнула к постели, но нечаянно задела спинку – послышался громкий щелчок, черное покрытие в долю мгновения свернулось в рулон, из спинки на пол посыпался крупнозернистый порошок, уже через минуту кровать покосилась, со стуком упала на пол, взметнулось облако пыли. Молодые люди закашлялись и поспешили в коридор.

– Боюсь, не поспать нам на местных постелях, – поморщился правитель.

Принцесса ничего не ответила, двигаясь дальше по коридору. Толкнула следующую дверь, и оба снова ахнули:

– Библиотека!

Стеллажи книг под самый потолок, десятки стеллажей! После минутной радости Найл с тоской сообразил, что всего этого сокровища им отсюда тоже не унести, и улыбка его потухла – все знания, которые скрываются под толстыми корешками, так и останутся в горах, нетронутые, бесполезные.

Коридор уперся в лестницу, они поднялись этажом выше и оказались на площадке с двумя комнатами – здесь двери не уцелели. В той, что побольше, стояли широкая постель, шкаф, стол. А на столе – компьютер. Точно такой же, какой стоял на столе Торвальда Стигга, в Нью-Йорке. Казалось, достаточно щелкнуть тумблером выключателя – и засветится монитор, заговорят динамики, и мудрое изобретение человечества начнет отвечать на трудные вопросы и давать правильные советы. Найл даже руку протянул – и тут же отдернул. Не хотелось бы, чтобы и разумный агрегат рассыпался в пыль веков. Пусть лучше стоит.

В другой комнате пол и три стены были выложены маленькими каменными квадратиками, а вот четвертая казалась сделанной из единого огромного зеркала. Принцесса стерла пыль на уровне лица, надолго вгляделась в свое отражение, потом попросила:

– Найл, выйди, пожалуйста, на несколько минут.

Когда он вернулся, туника принцессы валялась на полу, а девушка, несмотря на холод, стояла перед протертым зеркалом в одном лишь подаренном Райей розовом платье из тончайшего паучьего шелка – рубиновые серьги и заколку в расчет можно не брать. Сквозь ткань хорошо просматривались съежившиеся в розовые knopochki соски, глубокая тень между плотных, словно набухших от молока грудей, ямка пупка на втянутом животе и большой кровоподтек на боку – похоже, принцесса где-то здорово ушиблась.

– Замерзнешь, Мерлью, – окликнул ее правитель.

Девушка повернулась. В глазах ее сверкали крупные слезы.

– Мерлью, – испугался Найл, – ты чего?

– Ну почему, почему я родилась сейчас, а не тогда?

Правитель привлек ее к себе и крепко обнял.

* * *

Когда они вернулись, в первом зале толпились Дравиг, Шабр, Симеон и хмурая Нефлис.

– Извини, Посланник, – Дравиг изобразил легкий ритуальный поклон. Ваши мысли звучали столь громко, что нам тоже захотелось посмотреть, как жили люди до нашего появления. Твоя стражница сильно обеспокоилась твоим отсутствием, и я решил взять ее с собой.

– Благодарю тебя, Дравиг, – тоже поклонился Найл. Витиеватая речь смертоносца означала лишь то, что он не очень уверен в правильности своего поступка.

– Ребята! – вмешался Симеон. Я из Провинции унес немного вина. Давайте выпьем хоть раз в настоящем человеческом доме, за настоящим столом, из настоящих бокалов!

– Да! – вскинулась Мерлью. – Я тоже хочу! Она быстро подошла к шкафчику, неумело заскреблась в стекло.

– Подожди. – Найл вынул нож, почистил паз, сдвинул стекло.

Принцесса достала три бокала, поставила на стол. Симеон выудил из-за пазухи бурдючок. Налил. Бодро начал:

– Вот вы знаете...

– Замолчи, – попросила принцесса. Дай мне вообразить, что я вернулась назад, в далекое прошлое. В двадцать первый, а может и вообще в двадцатый век. Дай мне побыть немного там.

Найл тоже попытался вообразить себя в прошлом. Тысячу лет назад, в этих самых стенах, под этой самой люстрой, на этих самых стульях точно так же сидели люди. Наливали в эти бокалы точно такое же красное вино и пили его маленькими глотками. Вели беседы, строили планы на будущее. Вот только не было, наверное, рядом с ними пауков в рост человека, да не охраняла вход могучая стражница в короткой тунике и с длинным охотничьим копьем.

– Вот, значит, как жили наши предки, – причмокивая губами, улыбнулся Симеон. Может быть, тут и останемся?

– Без воды и еды? – хмыкнула принцесса. Через неделю лапки протянем. Нужно идти в город Диру и обосновываться там. Я думаю, у нас вполне хватит сил выгнать оттуда захватчиков и отбиться от любого нападения.

– Извини, Мерлью, – Найл накрыл своей ладонью ее руку. Я понимаю, тебе хочется домой, туда, где ты родилась и выросла. Но пойми, мир пустыни изменился. Теперь твоя родина больше не тайник от смертоносцев, теперь это «почтовая станция» пришельцев.

– Какая еще «почтовая станция»? – заинтересовался медик.

– Когда я был в плену у захватчиков, – неторопливо объяснил правитель, – то Тройлек, личный переводчик князя, их предводителя, рассказал, каким образом в их стране организовано общение между различными провинциями. На всех дорогах, через равные промежутки, стоят специальные дома, в которых живут почтовые пауки и поддерживают постоянный телепатический контакт с ближайшими такими же «почтальонами». Когда правителю, скажем, захваченного города, нужно послать сообщение верховному правителю, он передает его своему «почтальону», тот посылает мысленный импульс с посланием на ближайшую «почтовую станцию» в нужном направлении. Тамошний «почтальон» передает его дальше, следующий – еще дальше и так до тех пор, пока послание не достигает адресата. От границы до границы их страны весть проходит за час, не больше. В городе Смертоносца-Повелителя первая такая «станция» сделана, наверное, где-то на границе крестьянских полей. Следующая может быть только в Дире, больше просто нигде.

– А теперь представь, Мерлью, – повернулся Найл к девушке, – что мы захватили твой пещерный город. Мы потеряем несколько. – правитель пару мгновений лихорадочно подбирал нужное слово, одинаково относящееся и к двуногим, и к восьмипалым – соратников. Уничтожим пришельцев. Связь оборвется. Захватчики пошлют воинов выяснить, в чем дело. Мы их победим, хотя и с потерями. Они пошлют новый отряд: Их много, нас мало, и каждый из нас на счету. Рано или поздно мы погибнем все, или будем вынуждены опять отступить в горы, но уже куда меньшим числом. Кто тогда возродит нашу цивилизацию? Кто вернет наш город?

Правитель ощутил молчаливое беспокойство Дравига, вопросительно повернул к нему голову.

– Наша память, замурованная под Черной Башней, – напомнил старый смертоносец, – способна прожить только два, два с половиной года. Парализованная пища не выживет

больше полутора лет. Еще год хранители смогут прожить без еды. Мы обязаны победить до этого срока, Посланник.

– Мы победим! – уверенно пообещал Найл.

– Как?! – громко расхохоталась принцесса. Как сможешь ты захватить огромный город, столицу целой страны, если боишься тронуть даже маленький порубежный городок?

– Мы подрастем, – и Найл наконец решился вслух произнести то, о чем думал последние дни: – Мы вернемся в Дельту, родим там новое поколение, уйдем, чтобы его воспитать, снова родим, и снова воспитаем. Вспомните, мы ушли из города всего полгода назад, а рядом с нами уже вполне взрослые дети!

– А что. – Симеон отставил бокал и принялся лихорадочно грызть ногти. У нас пятнадцать девочек-детей и тридцать бывших горожанок. Ну, «бывшие» здоровых родят от силы половину. Но все равно. Тридцать детей через полгода, сорок пять еще через полгода, почти семьдесят потом, сотня в конце второго года! Нас будет только людей не меньше трехсот!

– Шабр, – окликнул правитель ученого смертоносца, – А ты что думаешь?

– Возвращаться в Дельту рано, – охладил паук восторг медика. Прежде дети должны закончить период созревания, разбиться на стабильные пары, произвести оплодотворение. Думаю, это займет не меньше полугода. Если уважаемый Посланник и Симеон несколько раз произведут вязку со своими женщинами открыто, это вызовет в детях любопытство, возбудит у них подражательный рефлекс. Тогда понадобится где-то месяца два-три.

– Но тогда мы обернемся только два раза, – растерянно шепнул медик, схватился за свой бокал и опрокинул его содержимое себе в рот.

– Насколько я помню, – вклинилась в разговор принцесса Мерлью, – каждому ребенку, рожденному в Дельте, необходимо по четыре кормилицы. Младенцы слишком прожорливы при таких темпах роста.

– Было бы кого кормить, – вздохнул Симеон, – чего-нибудь придумаем.

– Если я правильно тебя понял, Шабр, – повернул голову Найл, – мы должны найти спокойное, безопасное место, где можно провести два-три месяца до полного взросления детей?

– Они уже взрослые, – поправил смертоносец, – но подростки должны психологически подготовиться к размножению.

Правитель поморщился и кивнул.

– И вы с Симеоном должны открыто продемонстрировать правильный межполовой контакт, – настойчиво повторил ученый паук.

Найл покосился на Мерлью. Принцесса презрительно скривилась:

– Что поделаться, Найл. Так нужно.

– Тогда ты правильно понял меня, Посланник, – подвел итог смертоносец.

– А еще, – у девушки желваки ходуном ходили, но говорила она тихим, почти ласковым тоном, – нужно найти в этих каменных джунглях оазис, способный прокормить весь отряд необходимые три месяца.

– Ну, – усмехнулся Найл, – как раз это проще всего. Дравиг, ты мне pomoжешь?

– Да, Посланник.

С точки зрения человека, пауки не способны думать. Они просто воспринимают окружающий мир, анализируют, оценивают, решают возникающие вопросы исходя из предыдущего опыта – иногда в одиночку, иногда объединяя в единое целое сразу несколько разумов. Они обладают великолепной памятью и всегда готовы к восприятию внешних вибраций. Люди же гордятся своей способностью к мышлению. Трудно сказать, какое преимущество дает двуногим процесс многократного пережевывания абстрактных мыслей, но то, что постоянное мельтешение посторонних образов, воображаемых событий, мечтаний и горестей отгораживает сознание от истинного мира – это совершенно точно.

Для понимания происходящего вокруг и единения с общим сознанием смертоносцев Найлу требовалось избавиться от мыслей. Правитель делал подобное неоднократно: мысленно отступал вдаль от роящегося в сознании хаоса и ждал. Просто ожидал, созерцая со стороны, как брошенный за ненадобностью бедлам постепенно рассасывается, успокаивается, оседает, точно поднятая в озере муть. Проходит несколько минут, иногда полчаса. Изредка – час. И вот «озерная вода» становится чистой и прозрачной, и готовой отразить в себе всю вселенную, как отражает озерная гладь бесконечное небо, и порою невозможно отличить, где кончается истинный мир, а где начинается его внутренний образ.

Пожалуй, сегодня впервые Найл подумал о том, что нет необходимости наблюдать бесконечный караван мыслей, очищая сознание. Кто мешает отрешиться от внутренней суеты, созерцая внешний объект? Например, великолепную принцессу Мерлью.

Они в походе уже полгода, а от нее, как всегда, веет легким ароматом можжевельника, медно-золотистые волосы кокетливо, словно для парадного визита зачесаны набок, обнажая розовое ушко, в котором красуется золотая сережка – несколько украшенных бриллиантами лепестков, к которым подвешена рубиновая граненая капля. Густые ровные брови, длинные черные ресницы – никогда и ни у кого из женщин в своей жизни Найл не видел таких черных ресниц.

Да и у принцессы, помнится, прежде они были заметно светлее. Голубые глаза. Не просто голубые – это тот яркий и чистый голубой цвет, что наполняет жарким полднем озеро Дира, рядом с которым девушка родилась; а в центре – черные бездонные зрачки, словно мрак подземного города, в котором ей довелось вырасти.

– Что ты так на меня смотришь? – Девушка откинула голову назад, встряхнула послушными волосами – вроде небрежно отброшенные, они опять легли набок – и взглянула на правителя сквозь бокал с вином.

Откуда-то из глубин подсознания, мимо расслабленного разума просочился прямо к губам искренний ответ, и губы шелохнулись, беззвучно произнеся всего лишь одно слово.

Черты принцессы дрогнули, словно растворяясь в прохладном воздухе, но удержались, хотя лицо ее и потемнело, а взгляд стал тяжелым и усталым.

– Великие боги, – произнесла она низким бархатным голосом, – как я любила тебя. Как я любила тебя, Найл. За что это мне? Почему?

Она качнулась вперед и неожиданно впиалась ему в губы жадным поцелуем.

Найл так и не успел понять, испугаться ему этой внезапной страсти, обрадоваться ей или просто вежливо ответить на поцелуй – как ноги внезапно скрутило резкой судорогой. Правитель рухнул со стула, вскрикнув от внезапной боли, но все же смог осознать, что это был удар – жестокий и ничем не спровоцированный волевой удар Дравига.

Найл резко откатился в сторону, концентрируя все силы и волю в единый, прочный, монолитный шар, готовя его к броску.

– Прошу простить меня, Посланник, – склонился Дравиг в ритуальном приветствии. Я хотел защитить тебя от опасности.

– Какой? – заорал Найл. – Кто на меня напал? – И только тут он обратил внимание на ошалело оглядывающуюся принцессу.

– Скажи, Найл, – едва ли не заискивающе попросила она. Это ведь сделал ты?..

– Что, Мерлью?

– Ты выдавил меня из моего тела, а потом Это – принцесса неуверенно коснулась кончиками пальцев собственных губ.

– Да нет, никогда! – испугался Найл. – Я же тебе обещал!

– Извините, – принцесса вскинула руки к вискам. Кажется, мне нужно выйти.

Девушка поднялась, неуверенной походкой добрела до двери, немного постояла, опершись рукой на плечо Нефтис, а потом вышла наружу.

– Кто-нибудь объяснит, что здесь случилось? – спросил правитель, обращаясь, впрочем, конкретно к Дравигу.

Старый смертоносец ответил ярким воспоминанием минутной давности. Найл опять, только уже с другого места, увидел принцессу, смотрящую сквозь бокал с вином, потом увидел, как она встает, тянется к нему. Но в тот самый миг, когда Мерлью отставила бокал, у нее внезапно пропал запах. Полностью. Исчезло тепло, излучаемое ее телом. Пропал разум – те самые тонкие ментальные вибрации, что распространяет вокруг себя каждый человек. К Найлу протянулось нечто непонятное, холодное и непостижимое, впилося в губы. Тут Дравиг не выдержал и нанес волевой удар, отбрасывая правителя от возможной опасности.

– Великая Богиня! Что же это было?

– Скажи, Найл, – растерянно почесал затылок Симеон. Принцесса Мерлью была сейчас в плаще или без?

Правитель оставил вопрос без ответа. Слишком уж нехорошие подозрения навело на него короткое происшествие, случившееся с принцессой. И совершенно незваной явилась из глубин памяти темная улица города, залитая желтоватым светом Луны, и неуклюже бредущее вдоль домов мертвое тело, несущее под мышкой чужую голову.

Найл встряхнулся, решительно изгоняя из сознания ненужный образ, очищая разум от набившейся скверны, закрыл глаза и откинулся на спинку стула, расслабляясь и успокаиваясь. И созерцая. Все тепло и спокойно. Как песок между пальцев, осыпаются мысли о наполняющих старый дом вещах, о еде, что скоро понадобится его отряду, и принцессе Мерлью, которая наконец-то стала отходить от обиды за его ночь с надсмотрщицей солеварни.

Все преходяще, и эти проблемы разрешатся, уступив место другим, и те тоже разрешатся, и это будет происходить бесконечно, и нечего останавливаться ни на одной из них, а надо просто смотреть, как сыплется песок, и уходят беды и радости, волнения и усталость, а остается прекрасный солнечный мир на склоне горы, где в мертвом, уже утеревшем малейшие следы былых обитателей доме опять засветилась аура жизни. Аура светлая и здоровая, с чуть голубоватым отливом.

Знакомо екнуло в груди, возникло ощущение падения, и мир рывком раздался в стороны – это вошел в контакт единый разум смертоносцев. Первую минуту почти ничего добиться не удалось – радиус «видимости» составлял от силы один дневной переход. За спиной правитель едва ощущал ленивое тепло Провинции, а по бокам и перед лицом – ничего. Безжизненные скалы оставались таковыми и в ментальном пространстве.

Найл подтянул к себе границы видимости сзади и с боков, вытягивая за счет этого неширокий луч впереди себя, ощутил холодное прикосновение бездны – словно там, далеко впереди, царит вечная мерзлота – торопливо отклонил «взгляд» левее и, наконец, заметил на границе видимости неясные огоньки.

– Извини, Посланник, – мысль Дравига содержала просьбу извинить и сожаление одновременно. Нас осталось слишком мало. Наш единый разум слаб для достаточно далекого взгляда.

Да, когда изгнанники вступали в Дельту, единое сознание смертоносцев позволяло осмотреться на десятки дневных переходов в любом направлении, подробно разглядеть каждую травинку, каждый листик на деревьях, не говоря уж про реки и леса. Посланник мог заметить яркие пятна энергии, излучаемые животными, на расстояниях в сотни километров. А теперь: серое марево гор и неразборчивые огоньки на грани восприятия.

– Ничего страшного, Дравиг, – кивнул правитель. Главное, мы заметили живых существ. Значит, где-то там есть пища и вода. Как считаешь, сколько нам до них идти?

– Не больше двух дней, Посланник.

– Тогда нужно поскорее выходить, – решил правитель. Привал окончен.

Найл специально пропустил всех вперед себя, потом оглянулся на комнату. Палас, стулья, занавески. Сдвинуто стекло одного из зеркальных шкафчиков, три хрустальных бокала сверкают на столе витиеватыми гранями рисунка. На сколько еще веков сохранится здесь эта картина?

Он вышел и плотно затворил за собою дверь.

* * *

Спускаться от высокогорного домика оказалось столь же просто, сколь и подниматься к нему: длинный пологий склон тянулся вниз без обрывов, трещин или еще каких ловушек для неосторожного путника. Можно идти и идти, даже не глядя под ноги.

«Снегом бы его засыпать, – подумал Найл, – да за пять минут вниз на лыжах проскочить».

Стигмастер ни разу не подкидывал ему в виде загадки горнолыжные курорты, но правитель все равно имел представление о том, как это должно выглядеть: искусственный снег от подножия до вершины, подвесная дорога, трассы для начинающих, трассы для опытных, и огромное пространство безопасного склона для всех остальных. Прилавки с запасами горячей воды и пищи, уголки для отдыха, медицинские посты. Кто знает, может, именно так и выглядела эта гора до прилета Кометы?

Спуск удалось закончить задолго до вечера. Удобный ровный склон уперся в отвесную базальтовую стену не меньше полукилометра высотой. Больше всего стена напоминала слипшиеся в монолит и выцветшие на солнце пальмовые стволы: кое-где эти «стволы» выпирали наружу, где-то частично осыпались, но рисунок был везде примерно одинаков – рельефные полосы метров тридцать высотой, потом словно процарапанная гигантскими граблями поперечная прослойка, густо поросшая кустами креозота, и снова полосатая стена, и опять прослойка, и так до бесконечности.

– Вот тебе и два перехода, – пробормотал Найл. – Да тут только вверх вскарабкаться целый день уйдет!

– Что вы сказали, мой господин? – переспросила Нефтис.

– Я скомандовал привал, – тяжело вздохнул правитель, приблизился к обрыву и постучал ладонью по одному из базальтовых «стволов». – Не стоит на ночь глядя подъем затевать.

Под ногами захрустело – правитель и стражница стояли на сплошном ковре из хитиновых панцирей. Похоже, над их головами, в ветвях кустарника, кипела напряженная жизнь. Правитель ковырнул землю ногой. Вывернулся полосатый панцирь ойойки – небольшого безобидного жучка, внешне неотличимого от маленького смертоносца. Вот только лап у него шесть, а не восемь, да разума не больше, чем у мухи. Однако при неожиданной встрече один вид ойойки выбьет холодный пот у самого опытного охотника. Далее обнажилась сморщенная и высохшая шкурка игольчатки – медлительной гусеницы, покрытой, словно кочками, наростами ядовитых иголок. От нападения хищников они помогают, но далеко не всегда. Вот еще несколько бледных покровов афид, разломанная грудка клопа. По счастью, ни клешней скорпиона, ни характерного для тарантула черного меха на глаза не попало. Это вселяло некоторое успокоение.

– До темноты еще много времени, – всплыл в сознании вкрадчивый голос Шабра. Прекрасный случай стимулировать детей к более близким контактам.

Правитель вздохнул и покосился на Нефтис. Значит, смертоносец хочет, чтобы он вот так, запросто, уложил ее у всех на глазах и занялся тем, чем люди обычно занимаются наедине?

– Но ведь ты же сам согласился с такой необходимостью, Посланник! – возмутился ученый паук.

– В другой раз, – отрезал Найл. – Я устал.

– Ложитесь, мой господин, – тут же предложила начальница стражи. Я постелю у стены. К сожалению, еды больше нет, кончилась.

– Простите, Посланник, – скромно потупив взор, подошла Завитра, – я принесла подстилки и одеяла. Где вам постелить?

– У стены! – повысила голос Нефтис. Мысли стражницы лежали на поверхности: «Только от Джариты избавилась, так теперь эта к господину липнет».

Завитра, даром, что сохраняла внешнюю скромность, тоже горела возмущением: ведь ясно же, что правитель предпочитает ее! Так чего эта боевая баба вечно между ними втиснуться норовит! Однако ученица медика проглотила обидный тон Нефтис и принялась стелить постель там, где было указано.

Путники неторопливо устраивались на ночлег: взрослые смертоносцы ровными рядами замерли на склоне, люди стелили свои подстилки под базальтовой стеной, а детишки устраивались отдельно, вперемешку. Правитель с удивлением заметил среди них Риона и подошел ближе.

Парень стоял на коленях перед одной из девочек, что-то делал с ее сандалиями и громко объяснял:

– Не скручивайте ремень, расправляйте по сторонам между пальцев, и укладывайте накрест. Ремни должны удерживать сандалию целиком, а не только узлом.

– Что случилось, Рион?

– Да вот, – он поднялся. Весь день под уклон шли, так дочка ногу стерла. Неправильно сандалии подвязывают.

– Значит, это твоя дочка?

– Да, ее зовут Юлук. Вылитая Юккула, правда?

Девочка гордо расправила плечи. Впрочем, какая девочка? На голову выше Найла, длинные рыжие волосы – правда, изрядно перепутанные – крупная грудь, сильные руки. Захочет – папу как тростинку переломит! Но при первом же прикосновении к мыслям девушки, стало ясно, что желания такого у Юлук возникнуть не может. Она гордилась отцом, он казался ей кладезем мудрости, он учил и тому, как правильно надеть сандалии, и тому, как наточить нож, и как отличить сухой хворост от еще живого кустарника, как развести огонь, как отличить питьевую воду от плохой и еще преогромному количеству необходимых для жизни мелочей.

– А волосы расчесывать ты ее не учил? – повернулся Найл к Риону.

– Юккула пыталась научить, – улыбнулся парень. Только дети не понимают, зачем это нужно.

– Будем надеяться, что в ближайшие месяцы поймут.

– Классическая у них самка получилась, правда? – вклинился в разговор Шабр. – Это я его есть запретил, между прочим. Сразу породистую кровь почувствовал, с первого взгляда.

Паук гордо высветил тот миг, когда встретил в коридоре дворца Смертоносца-Повелителя уже вымытого, раздетого паренька, которого охранница вела для поедания.

– Молодец, – признал правитель.

– У меня появилась хорошая идея, – быстро завершил экскурс в прошлое смертоносец и перешел к главной теме разговора. – Если ты стесняешься вступать в вязку на глазах у всех, то может быть, ты сделаешь это тайно? – предложил Шабр. – А уж я организую так, чтобы это увидели все!

Правитель не утерпел и громко расхохотался, вызвав полное смятение в мыслях восьмилетнего ученого. Какая все-таки несправедливость, что у смертоносцев нет чувства юмора!

Нефтис и Завитра лежали у стены, повернувшись спиной друг другу и каждая напряженно ждала, что правитель опустится именно рядом с ней.

– Нефтис, – окликнул Найл. – Кажется, твоего сына зовут Нуфтус? Где он?
– Наверное, среди остальных детей, мой господин, – не очень уверенно предположила стражница.

– Завитра, а как зовут твоего сына?
– Кажется, Завлок, Посланник. – ответила ученица медика.
– Когда ты видела его в последний раз? Девушка не ответила.
– Неужели тебе не интересно, как он выглядит, на кого похож?
– Интересно, – пожала плечами ученица медика. Завитра искренне не могла понять, чего добивается правитель. Ведь воспитание детей – это дело смертоносцев.

Найл не стал говорить о том, что с того дня, как люди получили свободу, пауки решили скинуть с себя эту ношу.

Посланник Богини внезапно подумал о том, что, может быть, как раз очень хорошо, если подрастающих детей не воспитывают ни бывшие рабы, ни бывшие рабовладельцы. Может быть, в этом и состоит тот самый шанс на возрождение цивилизации, который он, правитель, никак не может найти.

Найл лег между женщинами примерно посередине, уткнулся носом в подстилку и быстро уснул.

* * *

Утро началось на голодный желудок – забылось как-то это ощущение за проведенные в Провинции сытные денечки. Взятые с собой фрукты кончились еще в доме на горе, а смертоносцы, которые фруктами не питаются, оставались без еды уже третий день. Это означало одно – на своих спинах восьмиллапые люди поднимать не станут, силы будут беречь. Забираться придется самим.

Поначалу Найла подмывало отправить пауков на обрыв поохотиться, а потом воспользоваться их помощью для подъема, но после недолгого размышления правитель от этой идеи отказался. Добычи тут явно немного, а что еще в пути случится – неизвестно. Лучше не рисковать.

Ночь в закрытом от ветра закутке выдалась теплая, поэтому отогреваться смертоносцам не понадобилось. Они просто дождались рассвета, а потом дружно рванули вверх по склону.

– От стены! От стены все отойдите, – предупредил правитель стоявших внизу людей. Еще свалится кто на голову.

Не свалился никто.

Добычу свою смертоносцы не упустили ни разу, унесли наверх, а сами чувствовали себя на обрыве достаточно уверенно.

Примерно через час десяток восьмиллапых детишек опустились вниз на сверкающих паутинках, после чего бодро убежали обратно, оставив еще по одной ниточке.

Люди к этому времени успели забросить копы за спину и прочно привязать их к себе поясами и ремнями пустых заплечных мешков.

– Ну, – подошел Найл к одной из паутинок, взялся за нее и пару раз дернул, как бы проверяя на прочность. Пошли.

Поначалу то, что ладони крепко прилипали, здорово мешало, потом правитель приспособился – отпуская паутину, отводил руку не в сторону, а вниз с рывком. Стало проще. Неровности на стене позволяли время от времени найти опору для ступней, перенести вес на ноги и чуть-чуть отдохнуть. Руки устали уже после первых ста метров, и опять, как вчера, Найл возблагодарил мешавшую поначалу липучесть паучьей веревки – с нее не сорвешься, даже если разжать пальцы. Чтобы разбиться, нужно еще и силу немалую приложить.

Поначалу перед лицом маячили ровные «пальмовые стволы» без единой зацепки, потом их пересекла узкая полоска кустарника со множеством глубоких выбоин. Найл выбрал одну поглубже, поставил в нее обе ступни, минутку отдохнул и полез дальше: руки повыше, ноги рывком вниз – если просто подтянуть их к себе, то тяжелая прилипшая паутина потянется вместе с ними. Когда ступни «отлипнут», согнуть колени, опять прижать их к липкой паучьей нити, приподняться немного выше, отодрать прилипшие ладони, перекинуть их дальше, и снова начинать отрывать ноги – и так фут за футом, дюйм за дюймом.

Добравшись до второго участка с поперечными зарослями кустов, правитель обнаружил рядом с паутиной большой можжевельниковый куст, забросил на колкие ветви ноги и расслабился в полулежачей, полусидячей позе, переводя дух. Вот уж не ожидал, что будет так трудно!

Минут через десять соседний куст зашуршал, и из ветвей высунулись короткие – с указательный палец, – круто изогнутые челюсти, потом показалась маленькая черная голова, следом – передняя часть туловища. Клоп-лупоглаз! Кличку свою он получил не за глаза, а за два больших желтых пятна на спине, на глаза очень похожие. Насекомое трусливое, но нападать на спящих у него мужества хватает. Через челюсти с каналами внутри крупный глазастик за пару минут способен высосать человека досуха! Поначалу его добыча спит, а потом уже теряет сознание от потери крови.

– А ну, брысь! – Найл топнул по склону ногой. В воздух взвилась белая пыль, а клоп моментально юркнул обратно в куст. Тем не менее правителю стало неудобно, и он двинулся выше.

«Ствол» напротив паутины на этот раз оказался весь растрескавшийся, с глубокими выбоинами, и последующие тридцать метров Посланник поднимался как по лестнице, упираясь в выемки ногами, а за паутину придерживаясь больше для подстраховки. Вскоре Найл вломился в очередной куст и тут же уткнулся лицом в крупную полупрозрачную афиду, исходящую липким сладким потом.

Интересно, как это пауки охотятся, если живность чуть не на каждом кусте осталась?!

Останавливаться правитель не стал – рядом с афидой только задержись, сразу весь в сиропе окажешься – и продолжил подъем. Движение замедлилось – обрыв гладкий, а руки уже устали. Тем не менее Найл постепенно отыгрывал у высоты сантиметр за сантиметром. Отчаянно хотелось прилепиться к паутине всем телом и расслабиться, но он знал, что потом ни за что не отклеишься – отдых будет вечным.

– Ничего, – прошептал правитель, – доберусь до следующих кустов и тогда устрою большой привал.

На глаза ему попала черная овальная дыра. Найл сделал усилие, поднялся на полтора метра, поставил в нее ногу и перевел дух. Из дыры высунулись суставчатые усики, деловито ощупали сандалию и пропали в глубине.

– Что, не понравился? – через силу усмехнулся Найл.

Усики появились снова, следом за ними – крупные черные жвалы. Продолжения правитель ждать не стал – подпрыгнул, подтянулся, поднялся еще на полметра. Чуть отдохнул, потом собрался силами, на одном дыхании преодолел еще метров пять и перевалился всем телом на высохший, но тем не менее вонючий куст креозота.

Он даже не заметил, как заснул и очнулся оттого, что Неф蒂斯 приложила ухо к его груди. Стражница хотела что-то спросить, но у нее не хватило дыхания.

– Отдохни, – сказал ей Найл, – а я дальше полез.

Короткий сон дал ему силы взобраться до следующих кустов. Откинувшись спиной на ветки, правитель увидел, как на расстоянии вытянутой руки неторопливо шествует мимо жирная, отъевшаяся, зеленая с фиолетовым ободком возле головы игольчатка.

«Ну вот, обед уходит», – подумал Найл, но ни малейшего желания переть вверх на себе еще и гусеницу у него не появилось. Он проводил «дичь» взглядом и полез дальше.

Добраться до следующих поперечных полос стоило больше часа времени. Из мелких выбоин кое-где выпирали чахлые веточки, не сулящие ничего, кроме запаха. Отдыхать было негде.

– Хоть бы нора чья попалась, ногу поставить, – пробормотал Найл, – а там пусть хоть всю отожрут.

Норы не нашлось, но удалось углядеть небольшую выбоину. Правитель воспользовался ею на полную катушку, долго простояв в ней на одной ноге, пока не решил, что сил на очередной рывок ему хватит.

Не хватило.

Найл повис, откинув назад голову, видя верхний край обрыва, до которого оставалось всего-то метров десять, но не мог больше подняться ни на дюйм.

«Вот и все», – понял он и испытал огромное облегчение. Теперь больше никогда ему не придется выжимать из себя все силы до последней капли и срываться в пропасть почти рядом с целью, больше никогда не придется испытывать такой невероятной усталости. Все позади. Пальцы его разжались, и вес тела удерживала только липучесть паутины.

Потом прямо на голову свалился Шабр, сграбастал своими огромными лапами затянул наверх и уложил на землю.

Полчаса полностью вымотанный Найл просто лежал на угловатых холодных камнях, радуясь покою и безопасности. Потом сел.

Впереди лежало плоскогорье. Не совсем плоское – дальний край забирался заметно выше, но без крутых подъемов. Больше всего это плато напоминало развалины густо застроенного квартала: серо-голубые узкие выступы торчали из тела горы, как полуразрушенные, но еще достаточно высокие остатки фундаментов – где-то отдельный куб, где-то длинная извилистая стена, где-то череда разновысоких опорных столбов. Лабиринт, но не очень запутанный. Это хорошо – через препятствия карабкаться не придется. После сегодняшнего приключения руки у людей неделю болеть будут.

Найл оглянулся. Смертоносцы стояли вдоль обрыва и время от времени падали вниз, чтобы подхватить и вытащить наверх еще одного выдохшегося человека.

Рациональные пауки не тратили энергию на тех, кто еще способен подниматься самостоятельно, но и не доводили людей до той опасной грани, когда усталость побеждает страх смерти; когда хочется закрыть глаза, разжать пальцы и с облегчением ждать прихода короткой вспышки боли, после которой наступит покой.

Из-за края обрыва появился Шабр, бережно опустил Нефтис рядом с правителем. Никому не доверил, сам поднял! Найл послал ему импульс благодарности. Смертоносец ответил мыслью, означающей примерно то же, что и пожатие плечами у людей – он еще помнил, как Посланник и его стражница вытащили его из метро, спасая от безумия и неминуемой смерти, и по сей день не считал, что отплатил им за это сполна.

– Вы здесь, мой господин, – с облегчением схватила Найла за руку Нефтис.

– Да, конечно, – кивнул правитель. Не беспокойся.

– Не могли сразу нас поднять? – тяжело дыша, высказала обиду на восьмилапых соратников девушка.

– Они же голодные, Нефтис. – покачал головой Найл. – Им нужно беречь силы. Согласись, поднять человека на тридцать шагов легче, чем на триста? Хорошо хоть, тут подняли.

Из двуногих самостоятельно смогли забраться на обрыв только дети, да и у тех не осталось сил двигаться дальше.

– Целый день потратили, – покачал головой Найл. – А вперед продвинулись, считай, всего на десяток метров.

Привал оказался грустным – без еды и воды, да вдобавок к вечеру здорово похолодало. Впрочем, между Нефтис и Завитрой, под общим одеялом, Найлу мерзнуть не пришлось. Вот только враждебность между претендентками на внимание правителя опасно нарастала, и Найл, опасаясь взрыва, предпочитал не прикасаться ни к той ни к другой – хотя желание, укротить которое ни голоду, ни жажде, ни усталости оказалось не под силу, терзало его душу и напрягало плоть. В эти минуты он очень сожалел, что находится не в Дельте, где можно отойти в сторону от посторонних глаз и «вознаградить» кого-нибудь за бдительность; и – совсем «увы» – не во дворце, в котором любая служанка сочла бы за честь.

* * *

Утро принесло изморозь. Белая мельчайшая пыльца побелила скалы, копья, одеяла. Все смертоносцы поселились за ночь, как умудренный опытом Дравиг, а мысли их стали столь же медлительны и тягучи, как и застывшие тела. В ожидании солнца люди сидели, скорчившись, под одеялами и зевали от голода. Найл явственно ощущал, как подвело у путников желудки, но пока не волновался – в Провинции все хорошо набрались сил, несколько постыдных дней никого с ног не свалят.

Дневное светило явно охладело к своим детям и дозировало тепло, словно рабочий муравей паек для солдата – только-только чтоб не сдох. Сперва изморозь размякла и превратилась в капельки воды на освещенной стороне скал – в тени она уцелела до полудня. Потом солнце соизволило омолодить пауков и вернуть изначальный цвет одеялам, и уж в последнюю очередь подсушило древки копий и рукояти ножей.

Тела смертоносцев в таких условиях никак не могли прогреться, и Найл всерьез начал опасаться того, что до вечера пауки так и не придут в себя, но в конце концов, в их головах ощутилось достаточно внятное мышление, и правитель отдал приказ начинать движение. Холодные лапы смертоносцев поначалу не слушались хозяев, но постепенно их мышцы нагрелись, сознание обрело привычную ясность, воля – мощь.

По счастью, помощи от пауков в этот день не потребовалось. Найл достаточно уверенно вел людей в нужном направлении, петляя между уступов, а пауки с непривычной покорностью тянулись следом за бывшими слугами.

Необходимость постоянно поворачивать направо, налево, обходить довольно длинные, несуразно изломанные стены, вытянутые почему-то именно поперек дороги, удлиняла путь. Порою возникало ощущение, что некий создатель специально подстроил все таким образом, чтобы идти приходилось много, а продвигаться удавалось всего ничего. Солнце с пугающей скоростью опускалось к западу, а петляниям не видно было ни конца, ни края.

Однако правитель поставил себе задачу не останавливаться до тех пор, пока не выйдет на гребень, если можно применить такой термин к плоскогорью – к высокому отдельно стоящему уступу, выпирающему на самом краю видимой части плато. Найл довел сюда свой отряд уже в сумерках, ощущая за спиной если не ропот, то глухое недовольство, а когда довел, то понял, что выиграл: внизу, под обрывающейся несколькими огромными ступенями горой, раскинулся Рай – глубокая, широкая котловина, не меньше десятка километров в диаметре, половину которой укрывал густой, черный в сумерках лес, а другую отобрало себе тихое озеро, уже отражающее первые вечерние звезды.

– Привал, – разрешил Найл. – Завтра спустимся и наконец-то спокойно отдохнем.

Темнота неторопливо поглощала котловины, ущелья, пропасти и мелкие ямы, постепенно поднимаясь все выше и выше, стремясь сравняться с вершинами, и в этот миг далеко-далеко впереди вспыхнул в последних лучах ослепительной белизны горный отрог. Черда остроконечных пиков выделялась высотой над прочими, тоже отнюдь не маленькими кряжами, а посреди них, сияющих безукоризненной чистотой, поднимался один, угловатый и

неказистый, похожий на широкоплечего великана, понуро повесившего голову – сверкающие на солнце снега одели его в серебряные доспехи, вековой лед вершины казался хрустальным шлемом. Отраженные лучи подсветили на небе три тонкие длинные змейки перистых облаков.

– Может быть, хоть завтра теплее будет, – прошептал правитель. Ему совсем не улыбалось опять ждать пробуждения смертоносцев до полдня.

Далекий отрог продолжал светиться, словно и не наступила вокруг непроглядная мгла, словно сияние его поддерживается не последними искрами уходящего дня, а рождается где-то изнутри. Наверное, местные жители, если таковые имеются в здешних краях, искренне верят, что там, у подножия горы, очень похожей на дремлющего на посту великана в серебряных доспехах, стоит дом Солнца, в котором оно скрывается на ночь.

Отрог погас.

И опять обнаружилась на высоком небесном куполе странная граница: позади путников звезды светили, а впереди – нет. И невидимыми облаками этого теперь не объяснить: не бывает тяжелых непрозрачных туч там, где выстилаются в звенящей вышине легчайшие ленточки перистых облаков.

– Вы идете, мой господин? – окликнула его Нефтис.

– Иду, – правитель зябко поежился и проворно нырнул под теплое одеяло, на плетеную подстилку между двух горячих женских тел.

* * *

Утром подморозило. Помня вчерашний день, Найл не торопился вылезать из уютной походной постели – все равно паукам еще не один час придется отогреваться. Однако время шло, но высунутый наружу из-под одеяла нос все равно покалывало холодом, а изо рта шел пар.

– Пить хочется, – пожаловалась Завитра.

– У нас целое озеро под ногами, – напомнил Найл. – Потерпи чуть-чуть.

Изморози на этот раз не было совсем, но между камней ветер весело гонял мелкую снежную крупу, то засыпая, то вычищая мелкие трещинки. Небо сияло девственной синевой, солнце давно поднялось на положенное место, но привычной жары никак не наступало.

– Если так пойдет и дальше, – начал понимать правитель, – смертоносцы отогреются только к вечеру, когда снова спать пора настанет!

– Вы что-то сказали, мой господин?

– Ничего особенного, Нефтис. – Найл решительно выбрался из-под одеяла, поморщился от боли в плечах и начал растирать плечи.

Прямо под ногами искрилось озеро. Казалось, разбегись хорошенько – и сможешь нырнуть в самую середину. Или, по желанию, можно спрыгнуть на густые кроны деревьев чуть дальше. Не существовало только способа спуститься нормально: с этой стороны плато обрывалось столь же круто, как и с противоположной.

А пауки, попрятавшиеся от ветра в щели между уступами, благополучно «спали», широко раскрыв дыхальца и вцепившись лапами в голубоватые камни. Жизни в них ощущалось не больше, чем в вывернутой шкуре листорезки.

Найл опять повернулся к котловине, подошел к краю скалы, взглянул вниз.

Метров двадцать до ближайшего уступа, потом еще метров пятьдесят до следующего, а что дальше – не видно. Видно прозрачное озеро, полное чистейшей воды и лесные заросли, наверняка обжитые жирной дичью. Найл повел сухим языком по потрескавшимся губам. Уже третий день в желудках у людей пусто. Очень приятно в их состоянии любоваться раскинувшимся перед глазами богатством!

А пауки «спят».

Правитель подошел к Дравигу, опустился перед ним на колени, почти уткнувшись лбом в хелицеры смертоносца, попытался прощупать его мысли, расшевелить сознание. Ничего. Найл перебежал к Шабру, но и тот проявлял не больше признаков жизни, нежели окружающие камни.

– Кажется, мы остались одни, мой господин, – подвела итог следующая по пятам Нефтис. – Что будем теперь делать?

– Помоги, – попросил правитель, ухватывая Шабра за средние лапы с левой стороны. Давай отнесем его на нашу подстилку.

Смертоносца они перевернули на спину, закидали одеялами.

– Кто тут есть? – огляделся Найл. – Нефтис, Завитра, Сидония, давайте, забирайтесь под одеяло. Юккула, Рион, тоже сюда!

Они облепили смертоносца вокруг, а правитель забрался ему на брюшко и разлегся между лап.

– Нос наружу не высовывать! – предупредил Найл. – Дышать под одеяло!

Пространство под одеялом быстро наполнилось душным паром и вскоре в сознании ученого паука появились первые, неясные проблески.

– Ну же, Шабр, давай! – взмолился правитель. Нам нужно спуститься вниз! Не то все тут сгинем – половина от жажды, половина от холода.

Паук пробуждался. Как на совершенно гладкой, а потому невидимой поверхности воды, что прячется в чаше уару; появляется от дыхания легкая рябь, выдавая существование нескольких прохладных глотков, так дрогнули и разбежались по небытию первые колебания мысли, достигли пределов, отразились обратно, и в этом движении проявилась сложная ткань сознания смертоносца, заколыхалась, обрела форму, проросла памятью и привычками, расцвела цветами знаний и умений, утвердилась характером, и вот уже правитель с удивлением узнал знакомый голос Шабра, распознал его удивление.

– Где я, что со мной?

– Мы тебя согрели, – ответил правитель. Ты должен помочь нам спуститься вниз, немедленно. Иначе пропадем все.

– Вы использовали себя в качестве источников тепла? – переспросил Шабр. – Никогда не додумывался про такую возможность.

– Вставай, Шабр, – не стал вдаваться в подробности Найл. – Спусти вниз паутину. У нас нет другого способа добраться до воды.

– Как скажешь, Посланник. Смертоносец еще не совсем пришел в себя, а потому был послушным и исполнительным. Подошел к краю скалы, стукнул брюшком по самому краю и неторопливо побежал по стене.

– Собирай поклажу, Нефтис, – с облегчением кивнул Найл. – Мы спускаемся.

Пользоваться паутиной вместо веревки – врагу не пожелаешь. Особенно, когда спускаешься. Сперва к ней липнет туника. Потом, по мере спуска, одежда задирается на голову, а к паутине начинают прилипать волосы, что растут между ног, выдираются, снова прилипают – и так до тех пор, пока не выщиплется все, до последнего перышка.

Под ту же казнь попадает растительность на груди. При длительном спуске лишаешься заодно и верхнего слоя кожи, ресниц, бровей, части прически. В общем, удовольствие ниже среднего. Хуже может быть только подъем по веревке на полукилометровую высоту. Для спуска на такую же глубину потребовалось совсем немного сил и минут двадцать времени.

Шабр не торопился бежать дальше, к воде, предпочитая сперва согреться. Найл сел рядом, откинулся на теплую скалу, зашуршав каменной крошкой, распахнул руки и ноги, закрыл глаза. Казалось, здесь, у подножия, светило не то же самое солнце, что и наверху, а свое, собственное – нежное, заботливое. Его лучи не обжигали, а осторожно забирались

под ткань туники и ласкали, словно дыхание влюбленной служанки. Ни единого дуновения ветерка, никаких звуков, камень за спиной не студит тело, а наполняет его энергией.

– Что с вами, мой господин?

– А! – Найл вздрогнул, потряс головой. Ничего, Нефтис, просто немного задремал.

К подножию горы спустилось уже два десятка женщин, еще трое находилась совсем рядом от земли – к спинам привязаны копья, подола туник задраны на лицо, внизу живота волос нет, икры ног розовые от содранной кожи. Похоже, теперь путники не скоро согласятся снова воспользоваться паутиной вместо веревки.

Стражницы спрыгнули на землю, поковыляли в сторону озера, морщась и широко расставляя ноги. Вскоре на веревке появилась еще парочка – первой спускалась Юккула, следом, естественно, Рион.

– Посланник, – подбежал Рион к правителю, едва ступив на твердую почву, – дети отказываются слезать вниз!

– Как это? – опешил Найл. – Почему?

– Не хотят бросать уснувших смертоносцев! Пытаются «разбудить». Ну, как вы Шабра «разбудили».

– Отогреть, что ли?

– Да, одеялами.

– Великая Богиня! – правитель отступил на несколько шагов назад, пытаясь разглядеть происходящее наверху, но что-либо увидеть или установить на таком расстоянии мысленный контакт было невозможно. Ты хоть объяснил им, что они от голода раньше загнутся, чем своих восьмипалых приятелей спасут?

– Там Симеон пытается их уговорить, и принцесса Мерлью.

– Принцесса Мерлью? – переспросил Найл. – Странно. Откуда это в ней такая заботливость?

Правитель бросил еще один взгляд ввысь, и махнул рукой. Забираться обратно у него не было ни сил, ни желания.

– Ладно. В первую очередь надо добыть еды, потом разберемся.

Про воду Найл не упомянул потому, что до нее требовалось всего лишь пройти несколько десятков шагов по каменистой россыпи с редко раскиданными валунами и отдельными выпирающими из земли скалами. А дальше – дальше сверкала искорками мелкая рябь на поверхности озера, еще дальше зеленела густая лесная чаща, которая покрывала почти всю котловину, забираясь даже на залитые солнцем склоны гор напротив. Над лесистыми горами высились еще две вершины, одна – темно-синяя, со множеством уступов и узких белых полос, то ли снежных, то ли из какого-то минерала; вторая – коричневая, с большими желтыми проплешинами. Выше оставалось только небо.

Что значит пройти двести-триста метров по хорошо просматриваемым, почти ровным россыпям из мелкой гранитной гальки? Просто пять минут быстрого шага в предвкушении первых глотков прозрачной, прохладной, чуть сладковатой воды.

И когда раздался испуганный женский крик, правитель ничуть не испугался. Не испугался он и тогда, когда, повернув голову на голос, увидел, как бурый угловатый валун, разевая и закрывая алую пасть, мнет безвольное тело стражницы. Расслабленно болтались обнаженные руки, нервно подергивалась нога; вторая, красная от крови, лежала рядом.

Первой преодолела растерянность Сидония, подбежала к валуну поближе и с силой метнула копьё. Камень недовольно дернулся, оторвался от земли и качнулся к женщине. Бывшая телохранительница Смертоносца-Повелителя подскочила почти в упор, схватила упавшее копьё, размахнулась из-за головы и вонзила его в камни сразу за валуном. Взметнулось облако пыли, полетела в стороны острая крошка, мелькнула неясная тень. От страшного удара Сидония рухнула наземь и откатилась на несколько шагов.

Найл схватился было за нож, но остановился, не очень понимая, что можно сделать им против мертвых камней. Однако, бывшие охранники дворца не раздумывая бросились на защиту командира, метая копья наугад. Копья втыкались вокруг валуна, отскакивали от начавшего злобно шипеть камня, бессильно падали, не найдя цели.

Внезапно валун густо покраснел, волна цвета ярости прокатилась по камням назад, и правитель ясно увидел огромную ящерицу – раз в десять превышавшую по размерам тех, что водятся в пустыне.

Ящер резко изменил цвет на ярко-желтый и кинулся вперед.

Найл выхватил нож, шагнул навстречу, но тут Нефтис бесцеремонно сбила его с ног, прижала носом к земле, и на протяжении последующих секунд правитель мог только слышать злобное шипение, азартные выкрики, треск ломающихся деревьев, шум ударов. Потом все стихло, хватка стражницы ослабла. Найл поднял голову и увидел неподалеку лежащую на спине, раскинув пятипалые ноги, ящерицу, из пасти которой торчало два сломанных копья, а из боков – еще не меньше десятка.

– Простите, мой господин, – виновато попросила Нефтис. – У вас был только нож, а у нас – копья.

– Ладно, чего уж теперь, – Найл встал, отряхнул лицо от впившихся в кожу мелких камушков, подошел ближе к добыче.

Теперь у ящерицы было серое брюхо, черная спина и ядовито-зеленые бока. И она не походила ни на одну из обитательниц пустыни, известных правителю. Впрочем, ядовитого мяса не существует, и пятиметровая хищница очень пригодится голодным путникам.

Сидония лежала немного дальше, не подавая признаков жизни.

Правитель неожиданно почувствовал, как кольнуло сердце. Пусть его и охранницу Смертоносца-Повелителя не связывали такие уж близкие отношения, но она все равно составляла часть его мира.

Именно Сидония однажды спасла ему жизнь – давно, еще в городе, когда он и Дравиг сошлись в схватке с пауком-быком. Найл тоже один раз вытащил ее из «Счастливого Края» – после того, как сам же едва не запек живьем. Сидония родила от него одного из детей. Неужели ее больше не будет? Совсем, никогда?

Правитель опустился рядом с охранницей на колени, с трудом перевернул на спину тяжелое тело, приложил ухо к груди. Сердце стучало ровно и спокойно. Значит, жива. На душе стало немного легче. Найл быстро ощупал у женщины руки и ноги. Кости целы. Кажется, обошлось – просто потеряла сознание.

Вторая стражница, ставшая жертвой ящерицы, выглядела настолько изломанной, что сомнений в ее смерти не оставалось.

– Забрать их с собой, мой господин? – спросила Нефтис.

– Не нужно, – выпрямился Найл. – Пусть лежит. Наберем воды, вернемся, приведем в чувство.

На самом деле он подумал о том, что до озера оставалось еще не меньше пятидесяти метров, а в безжизненность ровных и пустынных каменных россыпей он больше не верил. Будет намного лучше, если руки у всех путников останутся свободными.

– Пошли.

Теперь люди внимательно смотрели по сторонам и себе под ноги, прислушивались к малейшему шороху, ловили мельчайшие движения вокруг. И все-таки Найл чуть не прозевал очередную атаку!

Мертвый камень шагах в сорока раскололся, из трещины выплеснулась красная капля, стремглав полетела вперед и, прежде чем правитель успел бровью пошевелить, кончик невероятно длинного и тонкого языка болезненно шлепнул его в живот. Измученные долгим путем, карабканьем вверх и вниз по паутинам, петлянием между скал, жесткой ночной под-

стилкой, холодом, голодом – мышцы отозвались на удар дружной острой болью, и в тот миг, когда язык ящерицы начал напрягаться, чтобы втянуть добычу, Найл мысленно сдернул, словно старый плащ, эту боль и усталость, и накинул ее на блестящую слюной длинную мышцу хищника.

И язык обмяк.

Найл выдернул нож, со всей силы всадил его в прилипший к животу кусок чуждой плоти, через мгновение рядом вонзилось копьё Нефтис, потом еще чье-то. По камням вдалеке пробежала желтая волна, выдавая местоположение врага, ящерица попятилась, волоча язык, словно кишки из вспоротого живота, но Шабр уже замер в характерной стойке ухватившего добычу смертоносца, посылая парализующий луч воли, стражницы подбегали, начиная издали бросать копья, и вскоре все закончилось. Опасный враг превратился в хороший трофей.

– Кажется, сегодня у нас ожидается сытный обед, – пробормотал Найл, глядя в сторону озера. До кромки воды оставалось еще не меньше тридцати метров ровного, совершенно безжизненного пространства.

* * *

Обошлось.

К ошестинившейся копиями кучке людей гастрономического интереса больше никто не проявил. Вскоре путники широкой дугой вошли по пояс в воду, сквозь которую просматривалось чистое, без тины и водорослей дно, припали к живительной влаге. Кто-то черпал ее горстями и подносил к лицу, кто наклонялся и хватал поверхность пересохшими губами, кто опускался на колени. Опыт подсказывал, что хищные сухопутные насекомые не рискуют нападать на добычу в воде, но кто мог поручиться за ящериц? Поэтому люди то и дело бросали настороженные взгляды на каменистый берег и дальше, туда, где зеленела сочная трава, где там и сям шелестели серебристыми листьями кустарники и поднимали к небу ветви кряжистые невысокие деревья. Интересно, какие твари притаились там?

– Нам нужны дрова, мой господин, – на миг показалось, что Нефтис подслушала его мысли. Запечь мясо.

– Конечно, – кивнул Найл.

– Нам нужно разделиться надвое, – то ли спросила, то ли сообщила стражница. – Половина будет собирать хворост, а половина их охранять.

– Подожди! – вскинул руку правитель.

Над головами с тяжелым гулом пронеслась крупная черная муха и буквально свалилась на один из кустов. Немного отдохнув, она опять взмыла в воздух, пролетела вдоль берега, вернулась, спикировала в траву. Искала муха там что, или просто загорала на солнышке, из озера не разглядеть – но вскоре черная опять поднялась с земли и неторопливо забарражировала почти над самыми колосками высоких стеблей, что кое-где высывались из пегих травяных кочек. И никто муху не ловил, не сбивал влет, не пытался сцапать при посадке.

– Есть надежда, что тут не так опасно, как показалось сначала, – оглянулся Найл на девушку. Возможно, мы просто напоролась на уединившуюся вдалеке от шумного леса парочку. Хотя, конечно, осторожность соблюдать стоит.

Под ближним из кряжистых деревьев валялось два толстых – в торс человека – сухих сука, под соседним – еще один. Женщины с готовностью поволокли их на каменные россыпи: жарить ящериц.

А Найл долго рассматривал странный ствол, словно скрученный из пучка арбузной лозы. Крона напоминала крону дуба, а листва по форме ближе всего подходила клену. Или все тому же арбузу, – но полосатых ягод сверху, увь, не висело.

Правитель разглядел на верхних ветвях мохнатую гусеницу-полосатку, схватился в охотничьем азарте за нож, но быстро остыл: с земли ее без копья не сбить, лезть за добычей – руки болят. Все равно мясо пока что есть – с россыпью уже доносился запах дыма пополам с соблазнительным ароматом жаркого.

Желудок, не видевший еды третий день подряд, забурлил. Найл бросил научные изыскания и повернул назад.

За то время, пока люди трапезничали, в направлении леса пробежали два смертоносца. Похоже, детишкам на плато удалось кое-кого отогреть. Правитель окликнул Шабра, убедился, что тот тоже успел перекусить и попросил поднять оставшимся наверху людям немного воды и жаркого. Потом отправил всех стражниц собирать дрова. Когда сцапавшие на берегу злополучную муху паучата подкрепили силы, правитель приказал им отнести на плато две вязанки хвороста – Симеон должен суметь толково им распорядиться. Еще нужно было запечь вторую ящерицу, проверить место будущего лагеря: учитывая мастерство в маскировке местных хищников – предосторожность отнюдь не лишняя. Так, в хлопотах, день и прошел.

К вечеру на краю котловины запылали два костра: один внизу, недалеко от озера, второй наверху, на самом краю плато.

Путники уже начали потихоньку обживать новое место жительства: два десятка «очнувшихся» и спустившихся вниз смертоносцев ушли на ночь в лес – пауки способны охотиться и в темноте – а люди укладывались вокруг огня, неторопливо подкреплялись горячим мясом, запивали его водой и чувствовали себя наверху блаженства. Найл хорошо улавливал все эмоции небольшого отряда: сытость, покой, сладкую усталость. Немножко боли – это Сидония.

Правитель подошел к ней, опустился рядом на подстилку.

– Как ты себя чувствуешь?

– Я совершенно здорова, Посланник!

Ну да, эта сильная женщина не из тех, кто будет обращать внимания на несколько синяков.

– Ты молодец, Сидония, первая догадалась на ящерицу напасть.

– Хариту спасти не успела.

– Все равно. Ты единственная, кто не растерялся.

Возникла неловкая пауза – Сидония ждала, а правитель сказал уже все, что хотел. И тут Найл догадался: ведь он ее хвалит! Раз хвалит, должен вознаградить.

Никакого протеста в душе не возникло. Скорее наоборот – ощутилось явное удовольствие оттого, что после долгого перерыва он наконец-то вновь будет целовать эти губы, сольется с этим сильным телом, ощутит свою хрупкость в могучих объятиях и одновременно власть над ее душой.

– Пойдем на берег, – тихо шепну Найл охраннице.

Сидония поднялась, взяла подстилку и одеяло, и направилась за правителем.

Озеро исчезло. В ночном покое ничто не могло шелохнуть поверхности, грань между водой и сушью растворилась, исчезла. Остался лишь гладкий гравий, рассыпанный под ногами, совершенно одинаковый и здесь, и там, дальше, где между камушков поблескивают звезды, а вдалеке, чуть не на противоположной стороне котловины, отражается в озере бледное, но вполне различимое окно. И над озером тоже светится самое настоящее окно!

Наверное, Найл побежал бы туда прямо сейчас, но сильная рука притянула его к себе и опустила на плетеную подстилку.

Спокойная энергия Сидонии резко контрастировала с нервозностью правителя, но лоно ее уже ждало желанного прикосновения, а член Найла, казалось, научился жить своей собственной жизнью и дрожал от страстного напряжения. Тела слились сразу, без излиш-

них прелюдий. Правитель ощутил соединение энергетических полей, и спокойствие охранницы затопило сознание молодого человека. Найл прильнул губами к ее губам, избавляясь от своей торопливости, спешки, и вскоре уже никуда не собирался бежать, готовый остаться рядом с прекраснейшей из женщин – сейчас он искренне верил в это – навсегда.

Покойность и блаженство полностью затопили его сущность, а Сидония двигалась все быстрее и быстрее, и скоро Найл почувствовал, что уже не способен понимать и осознавать происходящее. Возникло такое ощущение, что не только энергетика, но и сознания слились вместе, заставляя двигаться, дышать, желать как единое существо – но принять и запомнить новое состояние правитель не смог, потому что наступил единый для обоих взрыв, и энергия их хлынула куда-то наружу, оставив на берегу озера полностью обессиленные тела, для которых больше не существовало ни боли, ни любопытства, ни страха, ни разума. Только глубокий сон, овеванный невесомым ароматом счастья.

* * *

Рассвет пришел тихо и спокойно – в котловине, защищенной высокими горными стенами от ветров, ночью ничуть не похолодало. Точно так же, как это было и в городе Смертоносца-Повелителя, как в Дельте или в Провинции. Паукам непрощенная спячка в холодном мраке здесь не грозила, они могли спокойно охотиться, плести ловчие сети или бродить в поисках дичи по окрестным склонам. Чистое озеро обещало вдосталь воды всем желающим, в густом лесу явно водилась дичь, да и кое-какие съедобные растения наверняка встречались. Построить жилые дома с помощью ножей, конечно, не удастся, но сушняка для костров хватит. Похоже, Великая Богиня все-таки смилостивилась над изгнанниками и послала им маленький рай.

Найл, конечно, понимал, что Великая Богиня Дельты – это гигантский разумный корнеплод, и к возникновению котловины она никак не могла иметь ни малейшего отношения, но подарок судьбы показался столь щедр, что хоть кого-то нужно было за него возблагодарить!

Ментальное пространство вокруг стало заметно плотнее – похоже, за ночь детишки на плато смогли отогреть не меньше половины смертоносцев. Правитель одновременно радовался и тревожился. Радовался тому, что впервые за все время люди оказывают помощь паукам сами, а не по его принуждению. Беспокоился за то, что неопытные дети обморозятся, а для людей подобное происшествие чревато куда большими неприятностями, нежели для восьмипалых. Впрочем, Симеон остался наверху, он присмотрит. Надо только еще еды к ним отправить.

Под скалой уже пылал огонь. Несколько женщин под руководством Сидонии разделяли остатки ящерицы. Рядом, на камнях, бурых от запекшейся крови, валялось никому ненужное тело погибшей вчера стражницы. Никто не собирался ее пожирать, а похоронить свою соплеменницу воспитанницам смертоносцев и в голову не пришло. Не зародилось еще среди людей подобного обычая – не успело.

– Сидония! – окликнул женщину Найл.

– Да, Посланник? – немедленно вытянулась по струнке привыкшая к дисциплине стражница.

– Нет, ничего. – подавил первый порыв правитель.

Конечно, женщину нужно похоронить. Но как? По обычаю города Диры – отвезти подальше в озеро? На чем? Кремировать? Дров пока только-только на приготовление пищи хватает. Предать земле? Но кто сможет вгрызться в сплошной камень под ногами? Увы, свободных рук для благородного поступка у путников пока еще нет. Пусть несчастная полежит еще день-другой, ей уже все равно.

Найл подошел к озеру, остановился у эфемерной границы обычной мелкой гальки и гальки, подернутой тонкой пеленой облаков. Слоистые, просвечивающие яркой небесной голубизной, облачка отползли от ног дальше, к противоположному берегу, туда, где в тени высоких елей, забравшихся на светло-коричневые уступы, чудилась бесконечная глубина.

А нет ли здесь кремния? – внезапно осенило правителя.

Кремневый топор, конечно, не стальной, но ведь и им можно свалить дерево, посрубить сучки, обтесать бревна. В общем, заняться строительством, обзавестись крышей над головой. Пусть Найл не успел перенять все мастерство отца, но более-менее работоспособный инструмент изготовить способен!

Правитель вошел в воду – разбежавшаяся в стороны рябь мгновенно разогнала пегие облака и заискрилась на солнце, а галька на дне закачалась с боку на бок, зашевелилась, словно живая.

Воистину, если удача повернется лицом, то вознаграждает счастливого без меры – кремнь здесь валялся всюду, щедро рассыпанный по дну, Найл без труда узнавал невзрачные окатыши цвета крыльев мотылька-грудничка – с легким рыжеватым оттенком. Но достаточно лишь слегка столкнуть их краями – и шершавая корка слетит, как скорлупа ореха, и обнажит полупрозрачное твердое ядро, иногда почти черное, иногда коричневатое, а порою и вовсе белое, но всегда – дружелюбное, готовое заменить своими острыми гранями зубы и клыки, помочь слабому и мягкотелому человеку противостоять обладателям клешней и шипов, хелицер и жвал, крыльев и яда. Кремнь – вот тот Бог, который заменял в пустыне его семье и Великую Богиню Дельты, и Белую Башню, и память предков.

Найл медленно двигался вперед, всматриваясь в россыпи сокровища под ногами, а вода постепенно поднималась до колен, до бедер, до пояса. Кремнь был, но вот только, как назло, весь одинакового размера – с кулак. На скребок еще сгодится, на наконечник для копья – уже маловат. Для топора же потребен камень не меньше, чем с голову ребенка. Форма не важна, лишнее всегда отслоить можно, но между лезвием и обухом должно быть расстояние не меньше, чем от кончика большого пальца растопыренной ладони до кончика мизинца. Больше еще можно, а вот меньше – никак. Слишком легкий топор дерева не рубит, отскакивает.

Краем глаза правитель заметил, как от береговой тени отделилась небольшая часть и потянулась к нему. Отпочковавшаяся тень? Это нечто новенькое! Найл выпрямился, повернул голову. Лента, шириной в две ладони, длиной шагов пять и черная, как ночное небо, стремительно приближалась, словно просачиваясь сквозь прозрачную воду, отчего от передней части к задней прокатывались частые пологие волны. Она плыла легко и красиво, и поначалу правитель как-то не подумал о том, что следует проявить осторожность.

Упала сверху тень от неуклюже порхающей бабочки. Черная лента опасно качнулась в сторону, и тут же снова нацелилась на правителя – но Найл успел заметить перламутровое брюшко и странный рот из трех плотно стиснутых челюстей.

«Ногу отхватит запросто», – промелькнуло в голове, и вот тут-то правителя и обдало волной смертельного ужаса. По пояс в воде Найл обладал подвижностью зеленой улитки, а из оружия при нем имелся только купленный Райей в городе маленький нож.

Найл повернулся к берегу, рванул вперед, но за те два шага, что он успел сделать, лента преодолела не меньше десяти. Правитель остановился. Убегать – напрасная трата сил. Все равно догонит. Лучше использовать оставшиеся мгновения, чтобы сосредоточиться, сохранить состояние страха и паники, чтобы сконцентрировать его в мысленном замкнутом шаре, накаливать до предела, до смертного, неодолимого безумия.

Их разделяло не больше метра, и лента уже начала изворачиваться и разевать пасть, когда Посланник «выстрелил» в нее накопленной жутью, стараясь заполнить непреодолимым ужасом перед неизвестным существом всю, до последней клеточки.

Лента мгновенно извернулась и помчалась прочь едва ли не быстрее, чем приближалась. Правитель быстро скользнул по гибкому телу ментальным лучом, ощутил слабый, как пламя лучинки, огонек сознания, и безнадежно махнул рукой. Разум ленты не намного превосходил интеллектуальные способности головоногов. Впрочем, и эти бесформенные создания порою бывали весьма опасны.

Движение ленты постепенно замедлялось. Казалось, она прислушивается к своему улепетывающему телу и начинает недоумевать: «И чего это я так испугалась?»

Найл откинулся на спину и, старательно подгребая руками и отталкиваясь ногами от близкого дна, начал пятиться к берегу. Лента тем временем совсем остановилась, на некоторое время замерла неподвижно, а потом извернулась и помчалась в новую атаку.

– Вот зараза! – правитель схватился за нож. Беда заключалась в том, что после первой, удачной схватки, он стал заметно меньше бояться неизвестной твари и воздействовать на нее стало нечем: настоящий, нутряной ужас так просто не придумаешь, не вспомнишь. Его переживать надо!

Воды оставалось примерно до середины бедра, когда лента настигла его, распахнула пасть, оказавшуюся теперь округлой, правитель увидел в глубине три узкие челюсти, скорее – три широких зуба, потом лента попыталась прильнуть к его ноге, и Найл подпрыгнул, как мог высоко, теряя равновесие и заваливаясь на бок.

Лента промахнулась.

Найл всей массой рухнул в воду, подняв тучу брызг, и тут же подумал: «Сейчас вцепится в грудь, вырвет сердце и – все».

Однако промахнувшаяся лента замерла в недоумении, и, прежде чем она опять учуяла исчезнувшую добычу, Найл успел вскочить на ноги и даже сделать к берегу несколько коротких шагов.

Тварь резко встрепенулась, метнулась к нему. Правитель попытался полоснуть ее ножом, но смертельно опасное на воздухе движение в воде стало медленным и тягучим, нож не разрезал, а лишь толкнул черное тело. К счастью, лента, почти прикоснувшись к левой икре, решила изменить намерения, сложилась почти пополам, потянулась к руке – Найл резко ее выдернул – лента, закручиваясь в тугую спираль, метнулась за кистью, и оставила кровожадные намерения лишь у самой поверхности, переключившись опять на левую икру.

Правитель отпрыгнул, замерев на правой ноге – лента метнулась к ней, и Найл опять отпрыгнул, поменяв ногу. Потом еще и еще, вскрикивая и высоко вскидывая колени. Наверное, это было бы смешно, не будь столь страшно.

– На! – копье Нефтис ударило точно в середину ленты, но гибкое тело легко подалось, изогнулось от удара, и наконечник не пробил, а всего лишь скользнул по гибкой твари.

Лента извернулась к брошенному оружию, но быстро разобралась, что оно не съедобно и скользнула к девушке.

– Беги! – крикнул Найл, упал на грудь и вцепился в хвост уплывающей ленты. Удержать тварь не удалось, но она, похоже, обиделась на нападение и опять извернулась к правителю. Он вскочил и кинулся наутек, благо глубина немного выше колена уже позволяла более-менее сносно двигаться. Впрочем, лента все равно мчалась быстрее. Ощущая раскрытую пасть в считанных миллиметрах, Найл совершил отчаянный прыжок, выигрывая еще мгновение, и тут подобравшая копье Нефтис метнула оружие снова.

– К берегу беги! – заорал Найл, вскакивая на ноги.

Лента опять опростоволосилась, потеряв несколько долгих секунд на ощупывание пастью копья, и только потом вновь погналась за правителем и его охранницей. Глубина составляла теперь меньше, чем по колено, а навстречу, щедро раскидывая брызги, торопился смертоносец. Короткий взмах, удар хелицер, несколько судорожных изгибов сильного тела, и парализующий яд сделал свое дело – черная лента безвольно обвисла в пасти паука.

«Детеныш, – отметил про себя Найл. – Старые пауки воды бы испугались».

– Вы целы, мой господин? – подскочила к нему Нефтис.

– Все в порядке. А ты?

– Простите, мой господин, я замешкалась.

– Ничего. Главное, что успела, – Найл, успокаивая, привлек ее к себе, погладил мокрые волосы. Все хорошо, моя мила, все хорошо. Тут правитель вспомнил про один странный момент, связанный со вчерашним вечером и спросил: – Слушай, Нефтис, а где ты была ночью?

– Шабр просил покараулить проход между озером и скалой, – Нефтис чувствовала себя виноватой, а потому попыталась оправдаться: – Это было действительно важно! Он тоже всю ночь рядом со мной сторожил.

– Значит, Шабр. – неужели прошедшую ночь с Сидонией подстроил хитрый ученый смертоносец? Хотя нет, правителя к стражнице никто не подманивал, сам подошел. А с другой стороны – окажись Нефтис поблизости, ни о каком вознаграждении и речи пойти не могло! А Шабр телохранительницу увел, селекционер восьмилапый. Спросить его самого? Так ведь не признается. И мысли прощупывать бесполезно – уж в чем-чем, а в ментальных контактах смертоносцы всегда останутся на голову выше людей. Узнать, продолжает Шабр свои эксперименты или прекратил, когда люди ведут себя естественно, а когда попадают в подстроенную восьмилапым ученым ловушку не удастся никогда. Хотя...

– Нефтис, скажи, ты собираешься и эту ночь провести на посту?

– Я не знаю, мой господин, – забеспокоилась девушка.

– Ладно, это не важно, – поспешил утешить ее Найл и направился к подножию плато.

Подошву склона и далекий край наверху соединяло около десятка паутин, но никакого движения на них не наблюдалось. Правителя обеспокоило то, что наверху не виднелось ни огня, ни дыма – замерзнут ведь! Молодые, неопытные.

Найл послал вверх мысленный импульс, надеясь, что хоть кто-нибудь откликнется, однако ответ пришел сзади.

– Только что два смертоносца спустились, – Шабр приблизился шумно, ступая по камням с царапаньем коготков и раскидыванием мелкой гальки. Явно специально, чтобы правитель не подумал, будто к нему подкрадываются или следят. Те, которых отогревают сейчас, в глубоком сне.

– Почему огня не видно?

– Так все под одеялами, Посланник. Ты сам это придумал.

– Хорошо. Много их еще?

– Двенадцать пауков.

– А из людей?

– Все дети, Симеон, принцесса и Завитра.

– А почему принцесса не спускается? – удивился Найл. – На нее подобная самоотверженность не похожа.

– Не знаю, – растерялся паук.

Шабр наверняка ожидал вопроса о Завитре, и интерес правителя к Мерлью выбил его из заготовленной колеи разговора. Найл все прекрасно понял и испытал мстительное удовольствие.

– Двенадцать смертоносцев, – прикинул правитель. Значит, до сумерек не успеют. И ни дети, ни Симеон, ни Завитра до утра не спустятся.

– Да, Посланник, – окончательно стусевался Шабр.

– Хорошо, – милостиво кивнул Найл. – Проследи, чтобы в темноте не стали лазить, еще разобьются, – и правитель пошел прочь, оставив восьмилапого ученого размышлять о том, кто же из них кого использует на самом деле.

Остаток дня Найл занимался очень важным делом – мастерил копье. За время, проведенное в Провинции, он настолько успел сжиться с полной безопасностью, что отвык носить оружие. Просто отвык, и первые дни путешествия через горы не успели его наказать: главным врагом здесь были камни, пропасти и холод, а от них клинком не отобьешься. Да и таскать с собой лишний груз по пересеченной местности – не самое большое удовольствие. Однако, после короткой стычки с черной лентой, правитель моментально ощутил пустоту в руках. Ладони словно обрели собственный разум и просили вложить в них нечто настоящее, боевое, а не просто коротенький ножичек.

Древко Найл сделал из молоденького клена, тщательно обточил, благо время позволяло, сделал точную выемку под наконечник, вложил туда нож. И моментально ощутил пустоту на поясе. Если клинок переместился на кончик копья, его, естественно, не стало в ножнах. Ни мяса отрезать, ни посох обстругать. Правителю, как и любому другому человеку, ножа не хватало, вот только лишних, помнится, у путников не имелось. Придется обходиться так.

Опробовать любовно сработанное копье Найлу не удалось – к тому времени, когда он закончил вклеивать наконечник, стражницы принесли на берег небольшую стрекозу и двух крупных ухверток, неудачно попытавшихся воспользоваться чужой добычей. Это, конечно, не ящерицы, но хватило на всех.

Сумерки овладевали котловиной уверенно, спокойно и неторопливо: сперва тени от голых западных склонов вытягивались на всю длину, полностью закрывая оазис среди гор, потом тень становилась все гуще и гуще, и начинало казаться, что ночь уже пришла – но чистое небо над головой еще сияло ярким сапфировым цветом, коротко вспыхивали алым прозрачные крылья высоко поднявшихся стрекоз, отливали изумрудным светом вершины ближних гор. Накопившееся за день тепло начинало казаться убаюкивающим, глаза слипались...

– Идемте, мой господин, я постелила нам немного в стороне.

По иронии судьбы, Нефтис выбрала для ночлега то самое место, где правитель провел предыдущую ночь с Сидонией. Та же галька кругом, тот же невысокий валун в изголовье, та же тихонько шелестящая линия берега. Вот только отражаются в воде не звезды, а череда мелких облачков.

Стоило Найлу забраться под одеяло, как охранница немедленно воспользовалась отсутствием Завитры и решительно овладела своим господином. Правитель, несколько отвыкший от ее напора, малость растерялся, и вся полнота чувств и энергии от близости прошла мимо его сознания. Получилась не ночь любви, а самый обычный физиологический акт, оставивший после себя лишь пустоту и усталость.

Девушка удовлетворенно заснула, а измочаленный Найл поднялся, сделал несколько шагов к озеру, пока не ощутил под босыми ступнями холодную влагу, присел, ополоснулся – заходить глубоко после сегодняшнего случая он не рискнул. Ночь уже вступила во владение миром, и вокруг правителя, подпрыгивая на мелких волнах, весело перемигивались звездочки. А прямо впереди – расстояния во мраке не угадать – мягко светились слабым, чуть желтоватым светом два окна; одно над самой поверхностью, а другое – под ней.

– Мерещится мне, наверное, – вслух подумал Найл, и тут же вспомнил, что видел эти окна еще вчера. Неужели жилье? Не может быть, люди или смертоносцы на него бы уже наткнулись! Вон, горит ярким светом, и не думает прятаться. Или это мираж? Или здесь и вправду есть разумные обитатели?

Впрочем, что гадать без толку? Утром нужно просто пойти, да посмотреть.

Найл вернулся обратно на подстилку, прижался к горячей, широкой спине охранницы. Сон не шел. Тогда правитель немного сдвинул вниз одеяло, осторожно откинул волосы Нефтис и поцеловал ее плечо. Оно было мягким и чуть солоноватым.

Найл слегка сжал ее кожу губами – тихонько, стараясь не разбудить. Казалось, ничего особенного он не делал, однако в душе появилось странное ощущение. Не очень понятное, не связанное с энергетикой или соприкосновением аур, но приятное. Он тихонько сдвинулся губами к шее, к основанию затылка, чувствуя, как ее волосы щекочут лицо, услышал, как изменилось ее дыхание и прошептал:

– Спи, не обращай внимания.

В ответ Нефтис развернулась и решительно подмяла его под себя. Дорвалась, что называется. Впрочем, никакой обиды на непослушную охранницу он не ощутил.

* * *

Утром, после легкого завтрака, все женщины отправились в лесные заросли – кто за дичью, кто за дровами, а Найл, держа наготове новенькое копье, побрел по кромке воды в том направлении, где прошлым вечером светились окна.

Прозрачная глубина озера просматривалась на много шагов, и опасности оттуда правитель не боялся, но вот с берега местами подступал густой кустарник, в котором мог таиться кто угодно – от трусливого клопа до огромного чудовища, вроде тех, что напали на путников у входа в долину. Внимательно всматриваясь в заросли и двигаясь вперед, правитель не заметил, в какую минуту впереди, в паре сотен шагов, обнажился хмурый, зловещий каменный куб с одиноким окном, смотрящим в сторону озера.

Враждебность, исходящую от странного сооружения ощущал не только Посланник: ни деревья, ни кустарники не рисковали вырасти ближе сотни шагов от дома, окружая его почтительным полукругом. Второй полукруг образовывала трава, которой удавалось «подкрасться» шагов на тридцать, ну а дальше тянулась безжизненная черная земля. Само здание не производило впечатления завершенности: квадратное, примерно тридцать на тридцать шагов, но только с одним маленьким окошком; стены ровные, даже гладкие, без единой щербинки, но на высоте метров десяти они обрывались иззубренным краем, словно пожеванные гигантской гусеницей-листорезкой. Никаких следов от неведомых обитателей – ни тропинок, ни запаха дыма или пищи, не примято ни единой травинки. Создавалось впечатление, что никто из дома не выходил минимум несколько дней – но кто тогда зажигал в нем свет по вечерам?!

Первым желанием Найла было не испытывать судьбу и держаться от дома подальше. Однако правитель понимал, что, если путники решат остаться на некоторое время в долине, то тайну странного здания и его обитателей рано или поздно, но все равно придется разгадывать, и если в нем таится опасность, лучше обнаружить ее как можно скорее.

Дойдя до черного полукруга, Посланник присел, погладил землю рукой. На ощупь она напоминала гладкое стекло, но по виду не отличалась от самого обыкновенного грунта на свежевскопанном крестьянском поле. Найл выпрямился, выбрал глазами небольшой комочек и пнул его пяткой. Кусочек земли не разбился, как будто он стеклянный, и не рассыпался, как глиняный: он смялся, отогнулся вниз, а потом медленно принял прежнюю форму.

– Интересное место, – прошептал правитель. Никакой агрессивности земля не проявляла, но Найл все равно пока не решился далеко отходить от спасительной травы и медленно двинулся по границе зелени и черноты, готовый в любой момент отпрыгнуть в безопасное место.

На задней стене дома стала видна входная дверь – неширокий проем чуть выше человеческого роста. Внутри царила тьма.

– Эй, тут кто-нибудь есть? – окликнул Найл. Темнота молчала.

Правитель перехватил копье, на всякий случай потыкал древком в землю, а потом осторожно пошел вперед.

– Откликнитесь, кто здесь? – позвал он еще раз, останавливаясь в дверях, но в ответ не донеслось ни шороха. Не бойтесь, я друг!

Изнутри пахло свежестью. Не сыростью и плесенью, как должно бы из брошенного на берегу озера жилья, и не мускусом и затхлостью, как из норы насекомого. Запаха дыма и пищи, присущих человеческому жилью, тоже не доносилось. Нет, никаких обитателей здесь быть не должно.

Однако Найл все равно перехватил древко двумя руками, готовый дать отпор внезапному нападению, и только потом сделал шаг вперед.

– Великая Богиня!

На полу, под окном, лежали два человеческих скелета. Судя по позам, смерть застала их внезапно. Несчастные упали там, где стояли, нелепо раскинув руки и вывернув колени. Но самое страшное – рядом с каждым стоял расколотый надвое каменный божок!

Похоже, здесь побывал Маг.

Найл огляделся и увидел справа на стене две желтые колонны в метре друг от друга. Что-то в них показалось правителю странным, он шагнул ближе и задумчиво зачесал шею: две желтые металлические колонны сантиметров двадцать диаметром по специальным колодцам выходили из-под пола и поднимались вверх.

Больше всего они напоминали два проводника, подведенных от источника энергии, спрятанного в подвале, к чему-то, установленному на крыше. Желтый металл, уцелевший на протяжении тысячелетия, мог быть только золотом.

Возникал вопрос: это какой же мощности должно быть некое устройство, если питание к нему подается золотыми проводами толщиной с гусеницу!

Но и это еще не все: провода оплавилась! Золотые потеки на одном проводнике, и слипшиеся в единое целое металлические нити другого наводили на мысль о превышении силы тока в сотни раз по сравнению с ожидаемой. Похоже, здесь произошла авария.

Посланник отступил к двери, задумчиво поглядев на скелеты и божков рядом с ними.

Неведомые устройства могли создаваться, существовать и работать только до прилета Кометы. Если эти два человека стали жертвами аварии еще в те времена, если виновниками катастрофы оказались злые божки – значит, Маг существовал еще в двадцать первом веке?!

Найл явственно ощутил, как на него дохнуло вечностью. Правитель попятился и выскок на свежий воздух. Сердце гулко стучало в груди, дыхания не хватало. Только теперь Посланник начал ясно понимать во владениях какого опасного противника оказался он сам и его товарищи. Еще тысячу лет назад, во времена безраздельного владычества человека, во времена автомобилей, электричества и городов Маг уже подсылал своих злобных божков опасным противникам и сокрушал своим колдовством основанное на технических устройствах могущество! Какова же тогда его власть сейчас?

Найл отступил до ближайших деревьев и остановился, пытаясь представить, что за силы вырвались здесь на свободу в тот роковой день. Атомный взрыв? Нет. Атом уничтожил бы всю долину, расплавил, разметал в пыль – а здесь даже дом уцелел, только его часть выше первого этажа исчезла. Однако, неведомые силы смогли превратить обычную землю в нечто странное и так преобразовать ближайшее пространство, что даже растительность там не выживает! А что, если именно из-за этих странных изменений тут появились чудовища, способные стрелять языком, как из самострела, и размером больше пяти пауков-верблюдов, да еще и меняющие цвет кожи по своему желанию? Не превратят ли эти силы обычных людей в каких-нибудь странных уродов?

Посланник невольно провел руками по бокам, ощупывая свое родное тело, убедился в его неизменности и заторопился назад, в лагерь.

* * *

Людей на каменных россыпях заметно прибавилось: около трех десятков человек млело на солнышке у подножия плато, развалившись на жестких камнях и зажмурившись от ярких лучей. Похоже, детишкам удалось «разбудить» всех замерзших смертоносцев, и теперь они сами избавлялись от жестокого многодневного холода, подвергшего путников нежданному испытанию. Можно сказать, изгнанники вышли из него с честью – никого не бросили, никто не пострадал.

От костра поднялась темноволосая девушка: естественно, принцесса сочла ниже своего достоинства валяться в общей толпе и нашла силы дойти до огня.

– Хороший день, Найл, – с неожиданным дружелюбием улыбнулась она.

– Рад видеть тебя, Мерлью, – кивнул правитель.

– Вы почему погибшую тут бросили? – ласково укорила принцесса, беря Найла под руку и уводя на берег озера.

– А что мы могли сделать? – пожал плечами Посланник. Похоронить невозможно, в здешнюю землю нашими ножичками не вгрызешься, один камень. В озеро тоже не бросить, слишком маленькое, воду испортим, а нам из него пить. А чтобы кремировать дров не хватает. Все или на приготовление пищи уходило, или к вам наверх отправлялись.

– Я его видела. – прошептала Мерлью, останавливаясь и с опаской оглядываясь на женщин у костра.

– Кого?

– Человека с ледяной головой.

– Какого еще человека? – не понял Найл.

– Ты что, забыл? – удивилась принцесса. Помнишь, в Дельте, когда мы шли к Великой Богине, мне сон приснился? Не помнишь? Естественно, это ведь не тебе смерть обещали!

Девушка обиженно покачала головой и пошла дальше, к самой воде.

– Постой, – нагнал ее Найл. – Причем здесь сон? Мало ли чего присниться может?! Нельзя же принимать так близко.

– Это было слишком реально, – перебила его Мерлью. – Я собирала божков, обнуленных под солнцем при отрицательной температуре. Лабораторий-то теперь нет, а выбрасывать их жалко, их ведь после обнуления снова инициировать можно. И тут...

– Постой, – Найл схватил девушку за руку. Что инициировать?

– Капсулы, – пожал плечами Мерлью и раздраженно попросила: – Ты слушай, Найл, не перебивай. Потом появился он, и сказал, что принес мою смерть. Весь в серебре, а голова стеклянная.

– Какие капсулы? – переспросил правитель.

– И понимаешь, когда мы вышли на край плато, я его увидела. Только он оказался не человеком, а горой. Вон там, дальше, – девушка вытянула руку в сторону возвышающейся над долиной полосатой горы. Стоит весь сверкающий, как серебряный, а сверху ледяная шапка, как голова. Потому-то мне и показалось, что стеклянная.

– Вот видишь, никакой связи! – наконец-то отреагировал Найл на ее слова. Во сне был человек, а здесь – гора.

– Это я тогда подумала, что человек, а на самом деле он оказался горной вершиной.

– Как можно такое перепутать, даже во сне? – не поверил правитель. Просто сон был давно, вот тебе теперь и мерещится!

– Ты что, в самом деле не понимаешь, или прикидываешься?! – повысила тон принцесса. Найл, я его узнала! Понимаешь, узнала!

Она опять отвернулась и пошла дальше вдоль берега.

– Куда ты все время уходишь, Мерлью? – Найл нагнал ее еще раз. Это был всего лишь сон, обычный ночной кошмар. Они у каждого время от времени появляются.

– Но не каждый встречает свои кошмары наяву. Принцесса повернулась к правителю и тихонько сказала: – Так страшно мне было только один раз. Когда смертоносцы захватили наш город, выстроили нас наверху и выбирали, кого будут есть сразу, а кого возьмут с собой.

– Не надо бояться, Мерлью, – так же тихо ответил Найл. – Твоя серебряная гора далеко, а мы здесь.

Правитель пару секунд поколебался, а потом взял ее за плечи и привлек к себе. Принцесса покорно пришла к нему в объятия, плотно-плотно прижалась, уткнулась носом в ключицу и тихонько вздохнула.

– Кстати, – шепнул ей на ухо Найл, – а про какие капсулы ты тут все время говорила? Внезапно девушка с силой оттолкнула правителя от себя и злобно прошипела:

– Капсулы, капсулы, всем вам одного надо. Вон, на свою охранницу лучше посмотри. Хоронить лень, так хоть лагерь в другое место перенеси, а то ведь воняет, хуже, чем из выгребной ямы.

Она круто развернулась, отчего полы длинного темно-серого плаща высоко взметнулись и решительно зашагала к лесу. Найл, удивленный яростной и беспричинной вспышкой гнева, пожал плечами и повернул к лагерю. Кое в чем принцесса была права: стоянку нужно переносить. Пройдя метров десять, Посланник ошарашенный запоздало явившейся мыслью, резко оглянулся вослед девушке. Нет, она уходила, одетая в самую обычную серую тунику, одну из тех, что приказал выдать гостям советник Борк.

Неужели померещилось? – вздохнул Найл. Что-то часто стали случаться галлюцинации последнее время. У Дравига и Симеона в доме на горе, у принцессы Мерлью там же. Теперь, вот, и у него. Да еще и капсулы какие-то. Может, и в самом деле зря пробрались они во владения Мага? Кто знает, какие сюрпризы приготовлены у него для маленьких бродячих шаек.

Но в одном принцесса была совершенно права – оставаться на каменных россыпях не имело больше никакого смысла. Ночью жесткая галька вытягивает из тел тепло, днем негде укрыться от солнца, добычу и дрова таскать из леса далеко, да и сладковатый запах разложения действительно не доставлял никому удовольствия. Раз с плато спустились все до последнего, то можно двигаться дальше.

Новое место для лагеря Найл выбрал на прямо противоположной стороне долины, у отвесного склона «полосатой» горы. Над широкой поляной, поросшей густой зеленой травой, пауки быстро натянули полупрозрачный полог, прикрепив его к макушкам ближних деревьев, и в результате следующую ночь путники провели в широком шатре, защищенные липкими тенетами и от внезапного нападения возможных хищников, и от превратностей погоды.

Правда, «на новом месте возможны любые неожиданности, и вход в шатер необходимо защищать всю ночь». Во всяком случае, именно так Шабр объяснил необходимость увести Нефтис с собой, и правитель поневоле остался в теплом сумраке один на один с Завитрой, а уж ученица медика не упустила такой возможности хорошенько «отогреться» в объятиях господина за все те дни, что пришлось мерзнуть на снежной высоте.

* * *

Жизнь постепенно налаживалась.

Под первыми утренними лучами люди начинали вяло шевелиться, никуда не торопясь и ни о чем не беспокоясь. Да и чего бояться? Великая Богиня даровала им в полное владение оазис покоя, защищенный от холодных ветров, поросший богатым дичью лесом и имеющий

вдосталь чистой озерной воды. О чем тут волноваться? Живи и радуйся! Аура благодушия и безмятежности витала над небольшим отрядом, и только Найл не разделял всеобщего умиротворения.

– Дравиг, – позвал он старого смертоносца, наблюдая, как неторопливо выбираются из-под полога на свежий воздух отоспавшиеся путники. Пойдем со мной, мне нужно кое-что тебе показать.

До дома на берегу озера они дошли минут за десять. Паук остановился шагов за десять до черного круга и тревожно произнес:

– Тут что-то не так.

– Вот и у меня точно такое же ощущение, – кивнул Найл и уселся на траву, разглядывая таинственное строение.

– Ты был внутри, Посланник? – скорее уточнил, чем спросил смертоносец.

Правитель кивнул.

– Что там внутри?

Найл закрыл глаза, вспомнил два скелета рядом с божками, оплавленные провода, светлый квадрат окна и послал эту картинку восьмипалому спутнику.

– Ты считаешь, этих людей убил Маг? – уточнил Дравиг.

– Рядом с ними стояли злые божки, – вздохнул правитель. А что видишь ты?

Настала очередь смертоносца прислать свою «картинку», и Найл с огромным изумлением увидел полупрозрачную четырехэтажную башню, парящую в воздухе над глубокой ямой.

– Вот это да! – только и охнул он.

Разница между увиденным человеком и пауком заключалась в том, что люди воспринимают окружающий мир только с помощью зрения и осязания, а у смертоносцев постоянно работает еще одно восприятие: телепатическое. Оно присутствует так же естественно и неизменно, как слух у человека, дополняя и уточняя картину окружающего мира. Как двуногий охотник догадывается о присутствии живого существа, слыша шорохи за спиной или со стороны какого-либо укрытия, так и восьмипалый добытчик замечает дичь по ее ментальным вибрациям. Человек пытается спугнуть возможную добычу, вынудить ее совершить некое движение и выдать свое местоположение. Паук в подобной ситуации излучает вокруг себя импульс страха, вызывая в будущей жертве ответный, хорошо различимый ужас. Так было, и так будет. Но неживую природу люди и смертоносцы всегда видели примерно одинаково. И вот...

Яма в восприятии Дравига начиналась примерно там же, где Найл видел черный круг, зато правитель не видел никаких признаков верхних трех этажей. У него даже появилось желание сходить и пощупать пустоту на уровне второго этажа – а вдруг и вправду нечто имеется?

– Не ходи, – предупредил его старый паук. Странное место.

– Я все равно там уже был, – попытался Найл оправдать излишнее любопытство.

– Зря, – коротко парировал Дравиг.

– Может быть, – не стал спорить с ним правитель. Ты никогда не видел ничего подобного?

– Нет, Посланник.

– А как ты считаешь, от этого места не могут исходить вредные излучения на всю остальную долину?

– Я не чувствую ничего подобного, Посланник, – не очень уверенно ответил седой паук. Но место здесь очень странное, мне здесь не нравится.

– Мне тоже, Дравиг, – признался Найл и попросил, – Ты не мог бы взглянуть в «яму». Интересно, на какую глубину уходит эта аномалия.

– Да, Посланник, – подчинился приказу смертоносец, сделал на своих ажурных лапках несколько осторожных шагов и послал правителю новую картинку.

Видимая только Дравигу котловина представляла из себя полусферическое углубление правильной формы, уходящее в земную твердь на несколько десятков метров. Вопреки ожиданию Найла, никакого реактора там не наблюдалось, даже призрачного. Проводов смертоносец тоже не видел.

Четырехэтажная башня парила в центре некой внепространственной сферы, никак не соприкасаясь с ее краями.

Правитель положил копьё на траву, крадучись продвинулся немного вперед и оглянулся, устанавливая контакт с сознанием старого паука. Дравиг увидел происходящее, как прогулку Посланника Богини по воздуху, причем каждый раз, в тот самый миг, когда нога правителя опускалась после сделанного шага, под ней услужливо вырастал из пустоты маленький кусочек почвы сантиметров десять толщиной.

– Как ты это делаешь, Посланник? – поразился невероятному зрелищу седой смертоносец.

– Просто иду.

Внезапно Дравиг сорвался с места и помчался к лесу. Найл на мгновение растерялся, потом подхватил копьё и побежал следом.

Нагнать смертоносца ему удалось минуты через три. Паук стоял на широкой прогалине среди кустарника и медленно поворачивался всем корпусом из стороны в сторону.

– Что случилось, Дравиг? – с трудом переводя дыхание, просил Найл.

– Только что где-то здесь напали на смертоносца.

Дравиг продолжал водить по зарослям лучом страха, в надежде на то, что неизвестный враг испугается и выдаст свое местоположение движением или мыслью.

– Мне кажется, я знаю, кто на него напал, – «произнося» эту фразу, правитель присоединил к ней импульс легкой грусти, что для паука должно было ощущаться, как соболезнавание. Когда мы спустились в долину, то на россыпях у озера на нас набросились два чудовища. Мы не могли разглядеть их до тех пор, пока они сами себя не выдали, хотя приближались почти вплотную.

– Должны же они испытывать чувство страха?!

– Они умеют маскироваться очень, и очень хорошо. Думаю, становясь неразличимыми внешне, таить мысли они тоже научились.

– Ничего, рано или поздно ему понадобится сдвинуться с места. Паук расставил Лапы пошире и замер.

Что смертоносцы умеют лучше всего – так это ждать. Таиться в засаде и терпеливо ждать, не часами, и даже не днями, а неделями и месяцами, не шевелясь, без воды и пищи. Терпение стало главным оружием, с помощью которого пауки покорили людей и стали властелинами мира. Обнаруживая человеческое поселение, они не шли на лобовой штурм, а выращивали специальных преданных слуг, которых потом подсылали в эту деревню или город под видом переселенцев из дальних мест или беглецов из плена, и ждали, ждали удачного момента, когда лазутчики откроют ворота или сообщат об уходе воинов в дальний поход или на охоту, чтобы незаметно прокрасться внутрь, разом парализовать жителей и часть сожрать, а часть превратить в рабов.

Пауки могли ждать удачного момента годами и десятилетиями, а если захват не получался – могли выжидать и сотни лет до следующего удачного случая. Терпение и время – год за годом, десятилетие за десятилетием, век за веком, до тех пор, пока все двуногие не стали покорными рабами восьмилапых, их слугами и телохранителями. Свободными оставалась только кучка дикарей, но и они, как понял потом Найл, сохраняли «свободу» только

потому, что смертоносцам время от времени требовалась «свежая кровь» для оздоровления расы слуг.

Именно для этого «свободным людям» позволяли оставаться «свободными» – но время от времени кое-кого из них отлавливали и использовали как мужчин-производителей. Найлу и самому отводилась та же самая участь, и если бы не случай-Правитель тряхнул головой, отгоняя давнишние воспоминания, перехватил копье и отправился в заросли, внимательно глядя по сторонам. Посланник не считал себя свободным от общих обязанностей принести в лагерь добычу для общей трапезы или хотя бы охапку сухих дров для костра.

К вечеру Найлу удалось сбить крупную стрекозу, наивно принявшую его за легкую добычу, а еще потом он заколол двух средних ухверток, приползших перекусить на дармовщину. В лагерь правитель пришел, сгибаясь под тяжестью нанизанной на копье добычи и с гордостью сбросил ее у ног Нефтис, хлопотавшей рядом с огнем.

– Неплохо, – оценивающе кивнула появившаяся сбоку принцесса. Оставь на утро.

Мерлью повернулась к Найлу и пояснила:

– Сидония со своими стражницами наткнулась на целое стадо афид. Сам понимаешь, у них мясо нежное, а с ухвертками за ночь ничего не случится.

Девушка приветливо улыбнулась, и торопливо направилась дальше, а у Найла немного отлегло от сердца – похоже, отчуждение, возникшее после посещения солеварни, наконец-то стало ослабевать.

Правитель выпил немного воды, огляделся, выбирая место для отдыха. После того, как принцесса Мерлью спустилась с плато и привычно подгрестила под себя хозяйственную власть в маленьком отряде, лагерь людей быстро принял жилой вид: за то время, что Найл охотился, по краям большого полога появились вертикальные паутины, и все сооружение теперь не напоминало, а действительно стало самым настоящим шатром. Очаг посередине походного дома стражницы обложили крупными камнями, а дрова были сложены неподалеку в аккуратную поленницу. Оба угла примыкающей к скале стены шатра отделялись от общего помещения небольшими дополнительными пологами.

Зная принцессу, нетрудно было догадаться, кому предназначены эти закутки: Мерлью всегда подчеркивала свое королевское происхождение и при каждой возможности стремилась подчеркнуть превосходство над общей массой двуногих. Правда, со званием Посланника Богини ей тоже поневоле приходилось считаться – поэтому, выделяя себе некие привилегии, она то же самое предлагала и Найлу.

Во время перехода в Дельту она требовала чтобы ей и правителю ставили нормальные столовые приборы – фарфоровые тарелки с ножами и вилками; самую вкусную добычу откладывала себе и Найлу, пила воду не из реки или фляги, а из чашек.

Впрочем, себе она тоже спуску не давала, всегда оставаясь опрятно одетой, аккуратно причесанной, спокойной и надменной. Она не просто требовала от окружающих подчинения, она умела руководить, и даже Нефтис, поначалу стремившаяся сохранить независимость, постепенно привыкла выполнять толковые распоряжения Мерлью – ну не спорить же каждый раз против очевидно необходимого?

Со своей властью и любовью к самовозвеличиванию, принцесса Мерлью несомненно стала бы королевой города Дира вместо своего папочки, если бы не захват подземного поселения пауками. Мало того, даже побывав в звании рабыни смертоносцев она ухитрилась опять выбиться наверх, к власти, и вполне смогла бы потеснить самого Посланника, если бы только за Найлом не стояло благословение Великой Богини Дельты и несокрушимые ряды смертоносцев, получивших от Богини прямой приказ повиноваться худенькому молодому дикарю.

Найл подошел к одному закутку, немного отодвинул полог, там лежала скромная котомочка Мерлью. А вот в другом были расстелены сразу две подстилки, стояло копье верной

Нефтис и лежала фляга Завитры. Правитель прилег, давая отдых уставшим ногам, и незаметно для себя задремал.

Разбудила его Нефтис. Охранница тихонько коснулась его плеча и позвала:

– Идите ужинать, мой господин, все уже собрались.

– Спасибо, – правитель встал, потянулся, сделал несколько глотков воды из кожаной фляги Завитры и вышел из-за своего полога.

Долину уже давно укрывали сумерки, и пространство под полупрозрачными стенами шатра освещались только красными языками костра, отчего все тени казались пляшущими на стенах, словно готовые к самопожертвованию селяне Провинции. Остро пахло жареным мясом и влагой. Такое бывает, если что-то долго варить в небольшом помещении. От огня в шатре было заметно теплее, нежели в это время на улице, и Посланник подумал о том, что в холодное время подобное прибежище может весьма пригодиться сонным смертоносцам.

– Вот, мой господин, – поднесла Завитра маленькую, покрытую румяной корочкой афиду.

Нефтис за спиной громко и недовольно фыркнула.

– Да что ты, мне столько не съесть, – покачал головой правитель. Отрежь мне пару лапок, и все.

– Возьми лучше грудку, – шепнула в ухо внезапно появившаяся принцесса, – их по моему рецепту жарили, на раскаленных камнях. Тушка при этом пропекается, а лапы нет. Мерлью отодвинулась и уже намного громче добавила: – Мы их жукам отдавали. Помнишь, на нижних этажах?

На нижних этажах города Дира жили жуки-навозники, следившие за чистотой отхожих мест.

– У меня ножа нет, – посетовал Найл. Принцесса пожала плечами и достала свой.

– Может, мы тогда поделим тушку на двоих?

– Давай, – легко согласилась девушка. Тогда лапки мы оторвем и обратно к огню, на камушки положим.

Мерлью отвлеклась на афиду, а Найл с удивлением увидел у входа в шатер Дравига. Правитель поднялся и мысленно окликнул старого смертоносца:

– Дравиг, ты передумал сторожить чудовище?

– Мне очень жаль, Посланник, – с извинительной интонацией ответил паук, – но очень скоро после твоего ухода я услышал еще одно сообщение о нападении, поспешил на помощь и опять не обнаружил никаких врагов.

– Значит, пропавших уже двое? – посерьезнел Найл.

– Да, Посланник.

«А ведь люди не умеют посылать мысленного импульса о нападении, – подумал правитель. Если пропадет одна из женщин, мы даже не узнаем об этом».

То, что чудовища способны пожирать людей, стало ясно сразу после спуска в долину. Но если первое нападение случилось у всех на глазах, то все последующие могли происходить в зарослях, один на один, тихо и незаметно.

– Шабр! – мысленно вызвал ученого паука Посланник. Я прошу, загляни в шатер, и оцени, не исчез ли кто-либо из людей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.